

Филлис Дороти Джеймс
Смерть эксперта-свидетеля
Серия «Адам Дэлглиш», книга 6
Серия «Английский детектив: лучшее»

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160661

Филлис Дороти Джеймс «Смерть эксперта-свидетеля». Серия «Английский детектив: лучшее»:

АСТ, Астрель; Москва; 2011

ISBN 978-5-17-069708-3, 978-5-271-32226-6

Аннотация

Загадочное преступление совершено прямо в лаборатории судебно-медицинской экспертизы – убийство, жертвой которого стал один из лучших экспертов.

Работа маньяка? Возможно.

Но маньяки не убивают просто так. Первый вопрос, который задает себе следователь, – почему убийца сделал именно такой выбор? И лишь вторым станет вопрос – когда и где будет нанесен следующий удар?...

Чтобы поймать убийцу – необходимо понять его мотивы...

Содержание

Книга первая	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	43
Книга вторая	46
Глава 1	46
Глава 2	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Филлис Дороти Джеймс

Смерть эксперта-свидетеля

ОТ АВТОРА

В Восточной Англии нет государственной научно-исследовательской лаборатории судебной медицины, а даже если бы и была, совершенно невероятно, чтобы она хоть в малой степени походила на Лабораторию Хоггата. Все сотрудники этой последней, как и прочие, даже самые неприятные, персонажи в этом романе – лица вымышленные и не имеют ничего общего с кем бы то ни было из людей, реально существующих или когда-либо существовавших.

Книга первая Вызов на место убийства

Глава 1

Телефон зазвонил ровно в шесть часов двенадцать минут. Керрисон нащупал в темноте и схватил трубку, чтобы унять яростный звон телефона, почти одновременно отметив время по светящемуся циферблату электронных настольных часов, и лишь потом включил стоящую рядом лампу. Привычка прежде всего отмечать время уже въелась в плоть и кровь. Почти всегда ему удавалось снять трубку после первого же звонка, и все равно каждый раз он пугался, что от этого звона проснется Нелл. Голос в трубке был ему хорошо знаком, а вызов не был такой уж неожиданностью. Звонил инспектор уголовной полиции Дойл. Голос звучал громко и уверенно, словно Дойл всей своей немалой массой навис над изголовьем кровати, а из-за его раскатистого ирландского «р» казалось, что он вот-вот угрожающе зарычит.

– Док Керрисон? – Вопрос, разумеется, был совершенно излишним. Кто же еще в этом гулком полупустом доме мог поднять трубку в шесть двенадцать утра? Он не ответил. Дойл продолжал: – У нас тут труп обнаружился. На пустыре, где раньше известняк брали, – километрах в полтора на северо-восток от Маддингтона. Женщина. Молодая. По виду – удушение. Может, случай вполне ясный, но раз так близко...

– Хорошо. Еду.

В голосе инспектора не прозвучало ни нотки облегчения или благодарности. Впрочем, вполне естественно: разве доктор когда-нибудь отказывался приехать по вызову? Ему ведь и платят неплохо за эту его всегдашнюю готовность, да только деньги вовсе не единственное объяснение его крайней добросовестности. Он подозревал, что Дойл относился бы к нему с большим уважением, если бы хоть изредка он проявлял несколько меньшую готовность явиться по первому зову. Да он и сам уважал бы себя чуть больше.

– Это будет первый съезд с дороги А-142 после Гиббетс-Кросса. Я там человека поставлю.

Керрисон положил трубку, спустил с кровати ноги и потянулся за карандашом и блокнотом – записать кое-что, пока детали свежи в памяти. Известняковая выработка. Скорее всего грязь, тем более что вчера прошел дождь. Окно было приотворено снизу. Он подтолкнул раму вверх, вздрогнув от ее громкого скрипа, и высунул голову наружу. С болот тянуло густым запахом осенней ночи, сильно и свежо пахла мокрая глинистая земля. Дождь перестал, по небу неслись серые тучи, а меж ними, словно обезумевший бледный призрак, мчалась луна. Мысленно он представил себе далеко протянувшиеся опустелые поля, полуразрушенные дамбы, а за ними – выбеленное луной пространство Уоша¹ и наползающую на песчаный берег пенную кромку Северного моря. Он мог даже вообразить, что ощущает в промытом дождем воздухе терпкий морской, отдающий лекарствами запах. Где-то там во тьме, окруженное атрибутами, типичными для сцены насильственной смерти, лежит мертвое тело. И мозг его послушно воспроизвел столь знакомую картину, неминуемо сопутствующую его профессиональным занятиям: фигуры людей, черными тенями передвигающихся позади ярко освещенной прожекторами площадки; аккуратно припаркованные в стороне полицейские машины; хлопанье пластиковых заградительных щитов; обрывки фраз и отрывочные разговоры полицейских, поджидающих, когда же на дороге появится свет фар его

¹ Уош – узкий залив Северного моря на восточном побережье Англии. – *Здесь и далее примеч. пер.*

автомобиля. Сейчас они уже поглядывают на часы, гадая, сколько времени ему понадобится, чтобы добраться до места.

Осторожно закрыв окно, он натянул брюки поверх пижамных штанов и просунул голову в тугий воротник водолазки. Потом взял фонарь, выключил лампу у кровати и стал осторожно спускаться по лестнице, нащупывая ногами ступени и держась поближе к стене, чтобы ни одна ступенька не скрипнула. Но из комнаты Элеанор не доносилось ни звука. Воображение опережало его шаги, мысленно он уже преодолел те десять метров – площадку и два лестничных пролета, – что отделяли его от комнаты дочери. Там, в глубине дома, спала шестнадцатилетняя Нелл – Элеанор. Сон девочки всегда был очень чуток. Поразительно, но, даже когда спала, она реагировала на звонок телефона. А ведь она никак не могла его слышать! Вот о трехлетнем Уильяме можно было не беспокоиться. Малыш как заснет, так и проспит без просыпа до утра.

Все, что он сейчас делал, как и все его мысли, шло по раз навсегда установившейся колее. Этот порядок никогда не менялся. Сначала Керрисон отправлялся в маленькую умывальную, что рядом с черным ходом. У входной двери стояли наготове резиновые сапоги: из высоких голенищ, словно обрубки ног, торчали толстые красные шерстяные носки. Зака-тав рукава до плеч, он облил холодной водой руки, а после, наклонившись пониже, окунул в раковину и голову. Он совершал этот акт омовения, словно священнодействуя, и вначале и после каждого выезда на место преступления. И давно перестал задаваться вопросом – почему? Это успокаивало и стало необходимостью, словно ритуальное действие в храме: краткое предварительное омовение – это освящение, конечное – не просто необходимая процедура, а словно отпущение грехов, будто, смывая со своего тела запах, характерный для его профессии, он мог очистить от него и свой мозг. Вода, выплеснувшись из раковины, залила зеркало, и, потянувшись за полотенцем, он увидел сквозь стекающие по стеклу струи собственное искаженное лицо: опавший рот, мокрые, словно морские водоросли, пряди черных волос наполовину скрывают опухшие глаза... Будто лицо всплывающего из-под воды утопленника. Им овладела предрассветная меланхолия.

«Через неделю мне стукнет сорок пять, – думал он, – а что в итоге? Вот этот дом, двое детей, неудавшийся брак и работа, которую так страшно потерять, ведь это единственное, в чем я добился успеха».

Старый пасторский дом, полученный в наследство от отца, не был заложен, так что здесь проблем не было. Зато нельзя этого сказать обо всем остальном в его полной тревог жизни. Любовь, которой так ему недоставало, растущая потребность в ней, неожиданная и пугающая надежда на ее обретение – все это тяжким бременем легло на плечи. Даже его работа, эта часть жизни, где он мог с уверенностью продвигаться вперед, не была свободна от проблем.

Тщательно вытирая руки – каждый палец по очереди, – он снова ощутил, как возвращается застарелая, гнетущая, как злокачественная опухоль, тревога. Его все еще не назначили патологоанатомом Министерства внутренних дел после ушедшего на пенсию доктора Стоддарда, а ему очень хотелось получить эту должность. Официальное назначение дало бы ему больше денег. Полицейское управление уже пригласило его работать в этом качестве на условиях сдельной оплаты и платило вполне прилично за каждое обследование. Эти деньги вместе с гонорами за коронерские аутопсии² давали ему такой доход, что это вызывало не только зависть его коллег в Отделении патанатомии Главной районной больницы, но и неприязнь к его непредсказуемым исчезновениям – выездам по полицейским вызовам на место преступления, на долгие судебные разбирательства, – к его неизбежной известности.

² Коронерская аутопсия – посмертное вскрытие, проводимое в присутствии коронера – должностного лица, обязанного разбирать дела о смерти при сомнительных обстоятельствах.

Да, это назначение было ему очень важно. Если министерство найдет другого кандидата, трудно будет объяснить Областному отделу здравоохранения, почему он постоянно работает на местную полицию на основе частного договора. К тому же нет уверенности, что полицейские власти захотят и дальше его использовать. Он сознавал, что он отличный судебный патанатом, надежный, обладающий высокой профессиональной компетенцией, предельно аккуратный и добросовестный. К тому же он никогда не теряет присутствия духа в суде. В полиции знали, что их тщательно выстроенные доказательства не рухнут, не разлетятся на куски под перекрестным огнем допроса, если свидетельские показания дает доктор Керрисон. Правда, иногда он подозревал, что его считают излишне принципиальным, чтобы чувствовать себя вполне комфортно с ним рядом. Ему явно недоставало легкости, способности устанавливать отношения чисто мужского приятельства, той смеси циничности и мачизма,³ которые так тесно связывали с полицейскими старика Стоддарда. Если им придется обходиться без него, вряд ли о нем будут сильно скучать и вряд ли они станут лезть из кожи вон, чтобы его при себе оставить.

Свет в гараже слепил глаза. Закатывающаяся наверх дверь послушно открылась, как только он коснулся кнопки, и поток света выплеснулся на гравий въездной аллеи, посеребрив взлохмаченную траву по обеим ее сторонам. Но этот свет все-таки не сможет потревожить Нелл – ее комната в задней части дома. Прежде чем включить мотор, он тщательно просмотрел карту. Маддингтон. Город на самой границе района, километрах в двадцати пяти к северо-западу отсюда. Меньше получаса езды в обе стороны, если все сложится удачно. Если специалисты из Лаборатории уже там – а Лорример, ведущий биолог, непременно являлся на место убийства, когда только мог, – в этом случае ему не так уж много останется делать. Допустим, час на все про все на месте убийства, тогда, если повезет, он вернется домой еще до того, как проснется Нелл. Ей даже и знать не надо, что он уезжал из дома. Керрисон выключил свет в гараже. Осторожно, словно легкость его движений могла как-то утихомирить звук мотора, включил зажигание. «Ровер» медленно двинулся в ночную тьму.

³ Мачизм – преувеличенное утверждение или демонстрация собственной мужественности.

Глава 2

Неподвижно застыв за оконной шторой на ближней ко входу лестничной площадке и прикрывая правой ладонью бледно светящийся огонек ночника, Элеанор Керрисон увидела, как на въездной аллее вдруг вспыхнули красным хвостовые огни «ровера» – машина остановилась у ворот, а затем повернула налево и, набирая скорость, исчезла из вида. Девочка дождалась, пока отблеск фар окончательно не растаял во тьме. Потом отвернулась и пошла по темному коридору к спальне Уильяма. Она была уверена – малыш не мог проснуться. Сон его всегда являл собою неутоляемо плотское торжество забытья. А когда он спал, она знала – ему ничто не грозит, она может освободиться от вечной тревоги. Наблюдать, как малыш спит, доставляло ей такое наслаждение, вызывая смешанное чувство любви и жалости, что порой, боясь собственных мыслей, обуревавших ее по утрам, или – еще больше – ночных кошмаров, она относила свой ночник в комнату брата и просиживала на полу у кровати целый час, а то и дольше, не отрывая глаз от его лица; покой малыша умерял ее собственное беспокойство.

Хотя Нелл знала – малыш не проснется, она поворачивала ручку двери с такой осторожностью, будто ожидала, что вот-вот прозвучит взрыв. Ночничок, ровно горевший в стеклянной плошке, оказался не нужен, его желтоватое сияние растаяло в лунном свете, лившемся в ничем не занавешенные окна. Уильям, как в мешок упрятанный в замусоленный спальный комбинезон, лежал, как всегда, на спине, закинув обе ручонки вверх. Голова его завалилась набок, видно было, как на тонкой шейке бьется пульс, и шейка эта казалась такой хрупкой, что и не понять, как она выдерживает тяжесть его головы. Губы малыша слегка приоткрыты, но Нелл не смогла расслышать тихий шорох его дыхания. Она все смотрела, смотрела, и вдруг Уильям открыл ничего не видящие глаза, закатил их вверх и снова со вздохом закрыл их, опять погрузившись в сон, так похожий на смерть. Нелл тихонько прикрыла за собой дверь и вернулась в свою комнату, соседнюю с комнатой брата. Стянув с постели пуховое одеяло, она набросила его на плечи и прошлепала босыми ногами через всю площадку. Поднялась по лестнице на самый верх. Тяжелые дубовые перила, часто усаженные медными шляпками гвоздей, изгибаясь, уходили вниз, в темноту холла. Доносившееся оттуда тиканье старинных напольных часов казалось неестественно громким, несущим в себе угрозу, словно тиканье часового механизма бомбы замедленного действия. В нос вдруг ударил запах старого дома – затхлый, как из давно забытого термоса, пропитанный ароматами скучных и плотных пасторских трапез. Поставив ночничок у стены, Нелл уселась на верхней ступеньке, завернувшись в одеяло так, что край его высоко горбился над плечами, и уперлась взглядом во тьму. Лестничная дорожка неприятно скребла босые ступни. Мисс Уиллард никогда не чистила ее пылесосом, жалуясь, что больное сердце не позволяет ей тащить пылесос со ступеньки на ступеньку, а отец, казалось, вовсе и не замечает, как обшарпан и грязен дом. Да и бывает он дома так редко. Неподвижно сидя в темноте, она думала об отце. Наверное, он уже приехал на место преступления. Конечно, все зависит от того, как далеко ему ехать. Если на самый край его района, то может не вернуться до самого ленча. Но на самом деле она надеялась, что он вернется до завтрака и найдет ее здесь, одиноко скорчившуюся на верхней ступеньке, ждущую и испуганную, потому что он оставил ее одну. Он тихонько заведет в гараж машину, а дверь не закроет – побоится, что ее глухой стук разбудит дочь, потом, словно вор, прокрадется в дом через черный ход. Она услышит, как плещется вода в нижней умывалке, потом – его шаги по узорным плиткам холла. И тут он взглянет вверх и увидит ее. И взбежит по ступенькам, волнуясь за нее и в то же время боясь разбудить мисс Уиллард, а лицо его, когда он обнимет ее дрожащие плечи, вдруг станет совсем старым от усталости и тревоги.

– Нелл, моя родная, ты давно здесь? Зачем ты встала? Ты же замерзнешь! Ну что ты, девочка моя, теперь уже нечего бояться. Я же дома. Давай-ка я уложу тебя в постель и ты постарайся еще чуть-чуть поспать. А я приготовлю завтрак. Что, если я принесу его тебе в постель так через полчаса? Хочешь?

И он отведет ее в ее комнату, утешая и уговаривая, притворяясь, что не боится, не боится, что она начнет плакать и требовать мать, что появится мисс Уиллард, все осуждающая и вечно недовольная, и станет жаловаться, что ей не дают спать; не боится, что его непрочный быт развалится на куски и у него отберут сына. Вот Уильяма он по-настоящему любил, Уильяма боялся потерять. А добиться, чтобы по суду ему оставили Уильяма, не отдали малыша мамочке, он мог, только если с ним оставалась Нелл – помочь присматривать за братом.

Нелл думала о том, какой ее ждет день. Пятница – серый день. Не черный, когда она совсем не видит отца, но и не желтый, вроде воскресенья, когда он почти все время дома, если только его не вызовут. Утром, сразу после завтрака, он уедет в городской морг, на вскрытие. Будут еще и другие вскрытия – те, кто умер в больнице, старики, самоубийцы, жертвы катастроф. Но труп, который он, должно быть, уже сейчас осматривает, будет первым на секционном столе в морге. Убийство имеет приоритет над всем остальным. Разве не так всегда говорят в Лаборатории? Она раздумывала, правда, без большого интереса, над тем, что сейчас мог делать отец с этим трупом, о котором она ничего не знает, – молодой это был человек или старый, мужчина или женщина? Но что бы отец ни делал, труп ничего не почувствует, ничего не будет знать. Мертвым уже не страшно, им уже нечего бояться и их бояться незачем. Только живые умеют причинять боль. И вдруг во тьме холла ожили две тени и Нелл услышала голос матери, визгливый и тонкий, пугающе незнакомый, напряженный, срывающийся и злой:

– Работа, работа, вечно эта чертова работа! И, Господи прости, нечего удивляться, что она тебе так хорошо удастся. У тебя кишка тонка по-настоящему людей лечить. Один раз ошибся в диагнозе и струсил, не так ли? Не мог больше взять на себя ответственность за живых, за кровь, которая еще может литься, за нервы, которые еще могут чувствовать. Все, на что ты способен, – это в трупах копать. Тебе ведь так нравится, что все тебя ох как ценят, верно? Телефон звонит день и ночь, в любое время, полицейские тебя сопровождают повсюду. Тебе наплевать, что я тут гнию заживо в этих проклятых Болотах,⁴ вместе с твоими детьми. Ты даже не смотришь на меня больше, не видишь меня. Я показалась бы тебе гораздо интереснее, если бы подохла и лежала у тебя на столе в морге. Тогда по крайней мере тебе пришлось бы обратить на меня внимание.

А потом – тихий, оправдывающийся голос отца, удрученный и жалкий. Нелл тогда слушала их, укрывшись в темноте, и ей хотелось крикнуть ему:

– Не так надо ей отвечать! Не надо показывать ей, что ты сдался! Разве ты не видишь, что так она еще больше станет тебя презирать?

Слова отца доносились до нее еле слышно, отрывочно:

– Это моя работа. То, что удастся мне лучше всего. Ничего другого я делать не умею. – И потом, гораздо яснее: – То, на что мы живем.

– Только не я! Я больше не желаю!

И грохот захлопнутой двери.

Воспоминание было таким живым, что на мгновение ей показалось, она все еще слышит этот грохот. Шатаясь, Нелл поднялась на ноги, прижимая к себе одеяло, и уже раскрыла было рот, чтобы окликнуть их, но увидела, что холл пуст. Никого и ничего. Только размытые

⁴ Болота – низкая болотистая местность на востоке Англии.

очертания дверного витража, сквозь который лился лунный свет, да тиканье часов, да пальто и куртки, свисающие с вешалки. Она тяжело опустилась на ступеньку.

И вдруг она вспомнила. Она же должна кое-что сделать. Сунув руку в карман халатика, она нащупала холодную, скользкую фигурку из пластилина – слеplенный ею образ доктора Лорримера. Осторожно высвободив фигурку из складок халата, девочка поднесла ее к огоньку ночника. Фигурка вышла не очень-то хорошо, а лицо доктора было облеплено пушинками – от кармана, и все же фигурка была в целости и сохранности. Нелл распрямила у фигурки длинные ноги и руки и плотнее прижала к ее голове черные нитки – волосы. Белый халат, выкроенный из старого носового платка, решила она, получился особенно удачно. Жалко, нельзя было использовать его собственный платок, прядь его настоящих волос. Фигурка эта была не просто доктор Лорример, который так дурно обошелся с нею и Уильямом, прямо-таки выставил их из Лаборатории. Фигурка символизировала всю Лабораторию Хоггата целиком.

Так. Теперь – убить ее. Нелл осторожно ударила фигурку головой о лестничную балюсину. Но пластилин только расплющился, голова утратила былое сходство с Лорримером. Девочка осторожно выправила пальцами голову и поднесла ее к огню. Но запах был противный, и, кроме того, она боялась, что может вспыхнуть белый халат. Тогда она вонзила ноготь мизинца фигурке за левое ухо. Очень глубоко. До самого мозга. Вот так-то лучше. Она удовлетворенно вздохнула. Положив убитого на правую ладонь, Нелл сжала пальцы, сминая розовый пластилин вместе с белым халатом и нитяными волосами в один бесформенный ком. Потом, плотно закутавшись в одеяло, села и стала ждать зари.

Глава 3

Машину – зеленый «моррис-майнор» – столкнули с края неглубокой впадины посреди пустыря, и она, проехав какое-то расстояние, застыла на травянистой площадке метрах в трех от склона, словно неуклюжее животное, стремящееся зарыться в землю. Она так и стояла там, видимо, уже не первый год, ободранная мародерами, недозволенная игрушка местной ребятни, желанное укрытие для случайного бродяги – вроде того семидесятилетнего алкоголика, который и наткнулся на убитую. Два передних колеса были сняты, а ржавые задние, с насквозь прогнившими покрышками, прочно вросли в известняковую почву; покраска кузова облупилась, приборная доска и руль из машины исчезли. Дуговые лампы двух прожекторных установок, одна – сверху, прямо с «берега» выработки, другая – кое-как поместившись на самом краю впадины, безжалостно высвечивали неприглядность дряхлого остова. В их ярком свете, подумал Керрисон, этот остов похож на какую-то гротескную и претенциозную современную скульптуру, символически застывшую на грани мирового хаоса. Заднее сиденье, с набивкой, вылезающей из-под искромсанного пластика, было выдрано из салона и брошено сбоку.

На переднем сиденье лежал труп молодой девушки. Ее ноги были благопристойно сжаты, остекленевшие глаза, казалось, хитро поглядывают из-под полуприкрытых век, не тронутые помадой губы обиженно опущены. Два тоненьких ручейка стекавшей вниз к подбородку крови удлиннили линию рта, отчего это лицо, при жизни, вероятно, вполне миловидное или, во всяком случае, по-детски ранимое, стало похожим на бессмысленно застывшее лицо старого клоуна. Тонкое пальцецо, явно слишком легкое для ноябрьской ночи, завернулось до самой талии. Девушка носила чулки, пряжки резинок впились в ее полные белые бедра. Подойдя поближе к убитой под пристальными взглядами Дойла и Лорримера, Керрисон снова, как почти всегда случалось с ним на месте убийства, подумал, что все это выглядит нереально. Вся сцена показалась ему совершенно неуместной аномалией, настолько смехотворной, что он с трудом заставил себя подавить нервный смех. Это чувство не было таким сильным, когда он видел труп, уже начинавший разлагаться. Тогда ему казалось, что кишася червями гниющая плоть, обрывки разлезшейся одежды уже стали частью земного праха, вобравшего в себя мертвое тело, которое поэтому было не более противоестественным и страшным, чем горка компоста или кучка опавших листьев. Но сейчас, когда в этом безжалостном свете все цвета выступали особенно ярко, а очертания предметов высвечивались так четко, девушка казалась живой, одушевленной, абсурдно бурлескной, кожа ее бледного лица выглядела такой же ненатуральной, как грязный пластик сиденья, к которому она прижималась щекой. Невозможно было представить себе, что ей уже не помочь. И как всегда, ему пришлось побороть стремление прижаться ртом к ее рту и дать «поцелуй жизни» или ввести иглу в не остывшее еще сердце.

Керрисон было удивился, увидев на площадке Максима Хоурта, недавно назначенного директора Лаборатории судебной медицины, но потом вспомнил – тот как-то говорил, что собирается присутствовать при расследовании очередного дела об убийстве с начала и до конца. Очевидно, придется давать ему объяснения по ходу дела. Выбравшись наружу из открытой дверцы, Керрисон сказал:

– Смерть – почти наверняка – результат удушения руками. Незначительное кровотечение изо рта вызвано тем, что язык закусен между зубами. Удушение при помощи рук неминуемо означает убийство. Сама она не могла этого сделать.

Хоурт очень старался, чтобы голос его звучал нормально:

– Я ожидал бы увидеть более явные повреждения на шее.

– Так обычно и бывает. Ткани всегда оказываются повреждены, хотя степень повреждения зависит от положения нападающего и жертвы во время убийства, от того, каким образом схвачена шея и какова сила сжатия. В данном случае я предположил бы наличие глубоких внутренних повреждений, но летальный исход в принципе может быть получен и при отсутствии множественных внешних признаков. Это случается, когда убийца не прекращает давления до наступления смерти: кровь перестает поступать в сосуды, а сердце перестает биться прежде, чем убийца уберет руки. Причина смерти – асфиксия, и следует ожидать наличия соответствующих признаков. В данном случае особенно интересен трупный спазм. Видите, она сжимает бамбуковую ручку своей сумки? Мускулы совершенно ригидны, это доказывает, что она сжала пальцы в самый момент или незадолго до наступления смерти. Мне раньше не приходилось видеть такой спазм в случаях удушения руками, так что это представляет особый интерес. Должно быть, смерть наступила необычайно быстро. Но все станет вам гораздо яснее, если вы будете присутствовать при аутопсии.

Разумеется, подумал Хоуарт, при аутопсии. Интересно, когда Керрисон предполагает заняться этим. Он вовсе не боялся, что сдадут нервы, только вот не подвел бы желудок. Жаль, что он уже пообещал прийти. Мертвым не дано права на личную тайну: самое большее, на что можно рассчитывать, – это некоторое уважение. Сейчас ему представлялось чудовищным, что завтра он, человек совершенно чужой, будет беспрепятственно разглядывать это обнаженное тело. Но на данный момент с него достаточно. Теперь он может отойти в сторону, не теряя лица.

Предрассветный промозглый воздух, казалось, стал еще холоднее; подняв воротник элегантного плаща, Хоуарт взобрался по склону впадины и остановился на краю. Взглянул вниз, на остов машины. Должно быть, вот так все выглядит на киносъемках: ярко освещенная площадка, томление в ожидании главных исполнителей, краткие минуты бурной деятельности, повышенное внимание к деталям. А тело девушки вполне могло оказаться телом актрисы, исполняющей роль убитой – симулирующей смерть. Он прямо-таки ожидал, что вот-вот кто-то из полицейских бросится поправлять ей прическу.

Ночь подходила к концу. За его спиной небосклон уже посветлел, и пустырь, ранее казавшийся бесформенной грудой тьмы, опрокинувшейся на кочковатую землю, стал приобретать форму и очертания. На западе вырисовывались строения, скорее всего микрорайон, застроенный муниципальными домами: аккуратный ряд одинаковых крыш и под ними квадратные отрезки тьмы, кое-где прорезанной желтыми квадратами меньшего размера – в некоторых окнах уже загорался свет. Немошеная дорога, по которой ночью его машина пробиравась, трясясь и подскакивая, серебрившаяся во мгле и усыпанная камнями, странная и чуждая в ярком свете фар – как лунный пейзаж, теперь тоже обрела форму и направление и выглядела вполне обыденно. Окружающее утратило всякую таинственность. Местность – всего-навсего бесплодный, заросший низким кустарником пустырь меж двумя городскими окраинами, замусоренный и обсаженный по краям редкими деревьями над неглубокой канавой. Хоуарт знал – в канаве этой затхлая вода, заросли чертополоха по склонам, гниющие отбросы, а деревья над ней изранены вырезанными в коре инициалами, обломанные нижние ветви их беспомощно свисают над водой. Здесь была городская ничейная земля, территория, вполне подходящая для убийства.

Ошибкой было явиться сюда; он должен был бы понять, что роль пассивного наблюдателя всегда недостойна. На самом деле нет ничего более деморализующего, чем стоять без дела и смотреть на людей, демонстрирующих свою профессиональную компетентность. Керрисон, этот любитель мертвечины, прямо-таки принюхивался к труп; молчаливых фотографов интересовала только освещенность да ракурсы; инспектор Дойл, этот импресарио смерти, наконец-то впервые возглавивший расследование убийства, весь напрягся от сдерживаемого возбуждения, словно ребенок, получивший новую игрушку на Рождество...

Когда ждали Керрисона, Дойл даже расхохотался от всей души, да так громко, что слышно было на всю площадку. А Лорример? Прежде чем дотронуться до трупа, он коротко перекрестился. Жест был таким укромным и точным, что Хоуарт мог бы его и не заметить; но он привык присматриваться ко всему, что делал Лорример. Никого другого этот эксцентричный поступок, по всей видимости, не удивил. Может быть, все к этому привыкли. Доменика не говорила ему, что Лорример – человек верующий. Впрочем, сестра вообще ничего не говорила ему о своем любовнике. Даже не сказала, что между ними уже все кончено. Но в последний месяц достаточно было только взглянуть Лорримеру в лицо, чтобы догадаться. Лорример! Его лицо, его руки... Странно, раньше он никогда не замечал, какие длинные у него пальцы, как мягко и осторожно Лорример прикрепляет полиэтиленовые мешки к рукам убитой, чтобы, как он тусклым голосом пояснил, добросовестно исполняя роль инструктора, сохранить вещественные доказательства, которые могли оказаться у нее под ногтями. Он взял образец крови из пухлой безжизненной руки, так осторожно нащупывая иглой вену, будто девушка все еще могла вздрогнуть от укола.

Руки Лорримера. Хоуарт запретил воображению рисовать мучительные, жестокие своей однозначностью картины. Никогда раньше он не испытывал такой неприязни к возлюбленным Доменики. Никогда не ревновал сестру к ее покойному мужу. Ему казалось вполне естественным, что она может снова захотеть выйти замуж, точно так же, как она могла от скуки или в неожиданном порыве приобретательства захотеть купить себе меховую шубку, а то и новые драгоценности. Ему в свое время даже понравился Чарлз Шофилд. Почему же тогда, с самой первой минуты, мысль о Лорримере в постели сестры была ему невыносима? Впрочем, Лорример никак не мог оказаться в ее постели, во всяком случае, не в Лимингсе. И он снова задумался о том, где же они могли встречаться, как удалось Доменике завести нового любовника втайне от всех – ни в Лаборатории, ни в деревне никто ничего не знал. Как они могли встречаться? Где?

Разумеется, все началось с той провалившейся затеи с обедом, год тому назад. Тогда казалось совершенно естественным и приличествующим случаю отпраздновать получение директорского поста, устроив небольшой вечер для руководящего состава Лаборатории у себя дома. Он хорошо помнил – обед начался с дыни, за нею последовал бефстроганов, затем – салат. Они оба – и Доменика, и он сам – любили хорошую еду, сестра даже любила иногда эту еду готовить. Он открыл для гостей коллекционный кларет 1961 года: и он, и Дом любили именно это вино, и ему не пришло в голову подать гостям что-либо подешевле. Оба они переоделись к обеду – это вошло у них в привычку. Приятно было сохранять определенный стиль, наряжаясь к обеду, тем самым отделяя рабочую часть дня от проводимых вдвоем вечеров. Он же не виноват, что Билл Морган, исследователь транспортных средств, решил явиться в рубашке апаш и вельветовых брюках: ведь и Дом, и ему было совершенно наплевать, как одеты их гости. Если Билл Морган почувствовал себя не в своей тарелке из-за каких-то совершенно несущественных вкусовых пристрастий, ему следует либо научиться менять костюмы, либо обрести больше уверенности в отношении собственной эксцентричности в одежде.

Хоуарту и в голову не могло прийти, что шестеро руководящих сотрудников Лаборатории, неловко сидящие за его столом и не утратившие эту неловкость даже после выпитого вина, усмотрят в этой затее изощренную гастрономическую шараду, цель которой – продемонстрировать его социальное и интеллектуальное превосходство. Во всяком случае, Пол Миддлмасс, главный научный сотрудник, заведующий Отделом по исследованию документов, оценил вино, то и дело подтягивал к себе бутылку через весь стол и наполнял свой бокал, не сводя с хозяина ироничных, с ленцой, глаз. А Лорример? Лорример практически ничего не ел и еще меньше пил, чуть ли не с раздражением отодвинув свой бокал и устремив горящий взгляд огромных глаз на Доменику так, будто никогда в жизни не видел женщины. Это-

то, судя по всему, и было началом. Как это развивалось, как они продолжали встречаться, как все кончилось, Доменика так ему и не сказала.

Званный обед оказался не только личным, но и публичным фиаско. Интересно, думал он, чего же эти руководящие сотрудники ожидали? Вечеринки с обильными возлияниями в отдельном кабинете паба «Простофиля»? Или бесплатного угощения в поселковом клубе для всех сотрудников Лаборатории, включая уборщицу миссис Бидуэлл и старика Скоби – служителя? Что он станет со всеми вместе отплясывать «Матушку Браун» («раз-два, выше коленки, выше коленки, раз-два-три!») в до отказа набитом пабе? Конечно, они могли считать, что инициатива должна исходить с их стороны. Но тогда следовало признать, что существуют две стороны. По установившейся традиции само собой разумелось, что Лаборатория – вся целиком – идет в одной упряжке, взнузданной общей целью, а вожжи, не слишком натягивая, но твердой рукой держит директор. Эта идея вполне удачно работала у Браша. Но там он руководил научно-исследовательской лабораторией, занимавшейся общей научной темой. А как прикажете управлять «упряжкой», когда твои сотрудники заняты десятком самых разных тем, используют собственные подходы и методы и сами отвечают за полученные результаты? В конце концов, каждому из них приходится в одиночку защищать свою правоту там, где только и может по-настоящему оцениваться качество работы ученого-судмедэксперта: на свидетельском месте в судебном заседании. Нет на свете другого такого места, где человек чувствовал бы себя более одиноким. А он, Хоуарт, сам в этой роли никогда не бывал.

Он знал, что старый доктор Мак, его предшественник, время от времени брал расследование какого-нибудь дела в свои руки – чтобы не утратить сноровки, как он говорил. Он чуть ли не бегом отправлялся на место преступления, с удовольствием принимаясь к полузабытым запахам, словно старая гончая, и в конце концов появлялся на свидетельском месте таким библейским пророком. Судьи приветствовали его суховатыми, чисто судебскими комплиментами, а члены местного совета шумно поздравляли его потом в баре, как старого завсегдатая пирушек, которого всем так недоставало и который так неожиданно к ним вернулся. Но все это было не в его, Хоуарта, стиле. Его назначили руководить этой Лабораторией, и он будет руководить ею по-своему. Сейчас, пытаясь в холодном свете зари заглянуть в собственную душу, он мрачно задумался о причинах, побудивших его проследить за расследованием этого убийства с начала и до конца, от вызова на место преступления до самого суда. Было это решение вызвано желанием все увидеть собственными глазами или всего лишь стремлением произвести впечатление? Или, хуже того, попыткой расположить к себе своих сотрудников, продемонстрировать, как он ценит их знания и опыт, как хочет идти с ними в одной упряжке? Если так, то ему следует добавить еще один неверный шаг к суровому подсчету совершенных им со времени нового назначения ошибок.

Похоже было, что на площадке дело идет к концу. Застывшие пальцы убитой осторожно отцепили от ее сумочки, и теперь Дойл, надев резиновые перчатки, выкладывал содержимое сумочки на полиэтилен, расстеленный на капоте машины. Хоуарт смог разглядеть что-то, по форме похожее на кошелек, тюбик губной помады, сложенный вчетверо листок бумаги. Скорее всего любовное письмо, полученное этой несчастной. Интересно, а Лорример писал Доменике письма? Хоуарт всегда первым оказывался у двери, когда приходила почта, и сам относил сестре письма. Возможно, Лорример знал об этом. Но ведь он просто должен был ей писать. Нужно же было как-то назначать свидания. Лорример вряд ли рискнул бы звонить из Лаборатории в рабочие часы или даже вечером из дома, когда Хоуарт мог взять трубку.

На площадке готовились увозить труп. Перевозка подъехала поближе к впадине, и теперь санитары устанавливали носилки на место. Из полицейского фургона вытаскивали пластиковые щиты – огораживать место убийства. Скоро здесь соберется кучка досужих

зрителей; взрослые станут отгонять любопытных ребятишек; явятся фоторепортеры. Хоуарт видел, как чуть поодаль, спинами к нему, сблизив черноволосые головы, беседуют Лорример и Керрисон. Дойл, захлопнув свой блокнот, наблюдал за переносом тела так, словно опасался, что этот драгоценный экспонат вот-вот разобьют. Свет нарастал.

Он дождался, пока Керрисон взберется к нему по склону, и они вместе направились к стоящим в стороне машинам. По дороге Хоуарт задел ногой жестянку из-под пива, она со звоном подкатилась к останкам детской коляски и ударилась о железную раму с грохотом пистолетного выстрела. Хоуарт вздрогнул.

– Ну и местечко, – произнес он раздраженно. – Господи, надо же в таком месте умереть! Где мы, в сущности, находимся? Я-то ведь ехал вслед за полицейскими машинами.

– Это место здесь называют «меловое поле». Тут до недавнего времени брали известняк. Добывать его здесь начали еще в средние века. Во всей округе не найти другого камня для строительства, так что здесь все строят из туфа – местные называют его мелом. Даже церкви внутри им отделывают. Например, придел Богоматери в Или. Почти у каждой деревни был меловой карьер. Теперь, правда, они заросли. Некоторые очень красивы весной и летом – настоящие оазисы зелени и цветов.

Керрисон сообщил все это тусклым голосом, словно добросовестный гид, наизусть затвердивший официально одобренный текст. Вдруг он покачнулся и ухватился за дверцу своей машины. «Болен? – подумал Хоуарт. – Или утомлен до предела?» Но патанатом выпрямился и с натужной бодростью произнес:

– Аутопсию проведу завтра утром, в девять. В больнице Святого Луки. Вахтер вам объяснит, как пройти. Я его предупрежу.

Заставив себя улыбнуться, он кивнул на прощание, опустил на сиденье машины и захлопнул дверцу. «Ровер» медленно, подпрыгивая на камнях и ухабах, стал выбираться на дорогу.

Хоуарт вдруг заметил, что Дойл и Лорример стоят рядом с ним. Дойл был возбужден до предела. Обернувшись, он посмотрел вдаль, через меловое поле, на ровную линию домов: теперь их стены из желтоватого камня и подслеповатые окна были вполне различимы.

– Он сейчас где-то там. Может, в постели лежит. То есть, конечно, если он не один живет. Не очень-то хорошо, если ты слишком рано на ногах оказался, верно ведь? Не-ет, он будет лежать и раздумывать, как бы ему себя пообыкновеннее вести; будет поджидать, когда незнакомая машина к дому подъедет, когда в дверь позвонят. Ну, конечно, если он один, тогда все по-другому. Будет в потемках бродить да решать, сжечь ему костюм свой или нет, да грязь с ботинок отскребать. Да только все ему никак не отскрести. Следы все равно останутся. И топки такой большой, чтоб костюм сжечь, у него все равно нет. А если б и была, что он скажет, когда мы у него костюм этот потребуем? Так что, может, он ничего такого и не делает вовсе. Лежит и ждет. Он же всю прошлую ночь не спал. Да теперь ему еще долго спать не придется.

Хоуарта подташнивало. Накануне он пообедал слишком рано и не слишком сытно, и теперь был голоден. Тошнота на голодный желудок особенно неприятна. Тщательно следя за своим голосом, чтобы не выказать ничего, кроме обычной заинтересованности, он спросил:

– Так вы полагаете, случай достаточно ясный?

– В случае бытовых убийств все бывает довольно ясно. А я так считаю, что это – убийство бытовое. Девочка замужняя, корешок билета на танцы в Оддфеллоуз,⁵ и письмо в сумке с угрозами, если, мол, она другого парня в покое не оставит, то... Чужак про это место и не знал бы. А и знал бы, так она с ним ни за что бы сюда не пошла. А по ее виду судить, так они

⁵ Оддфеллоуз (от англ. oddfellows – чудаки) – общество взаимопомощи с тайным ритуалом масонского типа, имеющее сеть клубов в сельской местности.

вполне уютно тут устроились, перед тем как он ее за горло схватил. Вопрос только в том, вместе они с танцев ушли или он раньше и здесь ее дожидался.

– И вам известно, кто она такая?

– Пока нет. Дневничка в сумке нету. Такие, как она, дневничков не ведут. Но я выясню – через полчаса.

Дойл повернулся к Лорримеру:

– Вещдоки будут в Лаборатории к девяти или около того. Вы первым делом ими займетесь?

Лорример ответил довольно резко:

– Первым делом. Вы же знаете, убийство имеет приоритет над всем остальным.

Довольный, даже торжествующий смехок Дойла действовал Хоуарту на нервы.

– Слава Богу, хоть что-то у вас имеет приоритет! Вы и так затянули с делом Гаттериджа. Я вчера был в Отделе биологических исследований, и Брэдли сказал, что докладная еще не готова. Он, мол, работает на защиту. Мы, конечно, все знаем про эту лажу, что, мол, Лаборатория от полиции независима, я и сам это всегда готов повторять где надо. Да только старик Хоггат ее создавал как полицейскую лабораторию, такой она и остается. Так что давайте сделайте все по-срочному, будьте добреньки. Я хочу этого парня горяченьким взять, как можно скорее.

Дойл тихонько покачивался с носка на пятку и улыбался, подняв лицо к разгорающейся заре, радостно принимаясь к утренним запахам, словно охотничий пес в азарте гона. Как странно, думал Хоуарт, он вовсе и не слышит холодной угрозы в тоне Лорримера.

– Лаборатория Хоггата время от времени действительно проводит исследования для защиты, если нас об этом просят и если вещественные доказательства правильно упакованы и должным образом переданы в Лабораторию. Такова принятая в Отделе практика. Но мы не являемся полицейской лабораторией, хотя вы и можете приходить туда и уходить, когда вам заблагорассудится, как на свою собственную кухню. И в этой моей Лаборатории я решаю, что имеет приоритет, а что нет. Вы получите заключение не раньше, чем оно будет готово. И между прочим, если у вас имеются вопросы, извольте обращаться ко мне, а не к моим подчиненным. И пока вас не пригласили, держитесь от моей Лаборатории подальше.

Не дожидаясь ответа, Лорример пошел к своей машине. Дойл смотрел ему вслед, сердитый и растерянный.

– Черт возьми! Его Лаборатория! Какая муха его укусила? Он в последние дни дергается, как сука во время течки. Того и гляди к психоаналитику угодит или загремит прямо в психушку, если в руки себя не возьмет.

– Он тем не менее прав, – холодно ответил Хоуарт. – Любые запросы, относящиеся к работе его Отдела, должны направляться к нему, а не к его сотрудникам. А когда кто-то захочет войти в Лабораторию, принято просить разрешения.

Дойл почувствовал себя уязвленным и нахмурился. Лицо его застыло, стало жестким. Хоуарт испытал замешательство, разглядев едва сдерживаемую агрессивность под маской привычного добродушия.

– Старый доктор Мак всегда приветствовал появление полицейских в своей Лаборатории, – сказал Дойл. – У него было такое странное представление, что Лаборатория и существует-то для того, чтоб полиции помогать. Но если мы у вас нежеланные гости, поговорите с начальством. Не сомневаюсь, оно выдаст необходимые инструкции.

Инспектор повернулся на каблуках и направился к машине, не дожидаясь, пока Хоуарт ответит.

«Черт бы побрал этого Лорримера, – подумал Хоуарт. – Все, к чему он имеет хоть малейшее касательство, идет у меня наперекосяк».

Он прямо-таки физически ощутил прилив столь яростной ненависти, что тошнота подступила к самому горлу. Если бы только это Лорример лежал мертвым на дне мелового карьера! Если бы это его труп оказался завтра утром на фаянсовом покрытии лабораторного стола во время аутопсии! Хоуарт понимал, что с ним происходит. Диагноз был настолько же прост, насколько унижителен: тот самовозгорающийся жар в крови, что так долго и обманчиво дремлет, никак не проявляясь, и вдруг вспыхивает обжигающим, мучительным огнем. Ревность. У нее те же, чисто физиологические симптомы, что у страха: та же сухость во рту, то же гулко бухающее сердце, волнение, лишаящее покоя и аппетита. И теперь, на этот раз он, знал – его болезнь неизлечима. Не имело значения даже то, что роман давно закончился, что Лорример тоже страдает. Разумные доводы здесь не помогали, и он подозревал, что не помогут ни расстояние, ни время. Покончить с этим могла лишь смерть – Лорримера или его собственная.

Глава 4

В половине седьмого утра в фасадной спальне дома № 2 по улице Акейша Клоус, что в Чевিশеме, проснулась Сюзан Брэдли, жена старшего научного сотрудника Отдела биологических исследований. Ее приветствовал чуть слышный, жалобный плач их двухмесячной дочери, требовавшей первого в этот день кормления. Сюзан включила ночник – розовый свет лампы под оборчатый шелковый абажуром, протянула руку за халатиком и, босая и сонная, прошла в ванную – дверь туда открывалась прямо из спальни, а потом – в детскую. Это была маленькая, чуть больше телефонной будки, комната в задней части дома, но когда Сюзан зажгла низковольтный – специально для детской – светильник, она снова, в который уже раз, ощутила прилив материнской собственнической гордости. Даже в утренней тяжелой полудреме одного взгляда на детскую было достаточно, чтобы придать Сью бодрости и улучшить настроение. Здесь было все, что нужно: кресло для кормления младенца, на спинке кресла – орнамент из танцующих зайчиков; такой же орнамент у стола для пеленания, в столе – ящики для детских вещичек; плетеная кровать, которую она обшила изнутри ситчиком в белых, розовых и голубых цветочках, под стать оконным занавескам; яркий бордюр из фигурок героев детских сказок и стихов, которым Клиффорд украсил стены.

При звуке ее шагов плач усилился. Она подняла из кровати теплый, пахнущий молоком кокон и заворковала успокаивающе. Плач немедленно прекратился, и влажный ротик Дебби, раскрываясь и закрываясь, словно у рыбки, отыскал сосок; крохотные сморщенные кулачки высвободились из одеяла, раскрылись, пальчики ухватились за смятую ночную сорочку матери. В книжках пишут, что сначала надо ребенка перепеленать, но у Сюзан не хватало духа заставлять Дебби ждать. К тому же была и другая причина: стены новых домов такие тонкие, она не хотела, чтобы плач разбудил Клиффа.

Неожиданно Клифф появился в дверях детской. Он слегка покачивался, расстегнутая пижама на груди раскрыта. Сердце у Сюзан упало. Она постаралась, чтобы ее голос звучал бодро, будто ничего не случилось:

– Я так надеялась, что она тебя не разбудила, дорогой. Но ведь уже больше половины седьмого. Она проспала больше семи часов. Явно поправляется.

– Я все равно не спал.

– Отправляйся-ка в постель, Клифф. Можешь еще часок поспать.

– Я не могу спать.

Он оглядел детскую, озадаченно хмурясь, будто его огорчило, что здесь нет еще одного стула. Сюзан сказала:

– Принеси табурет из ванной. И надень халат, ты простудишься.

Клиффорд поставил табурет у стены и скорчился там, сердитый и несчастный. Сюзан подняла голову – она сидела, прижавшись щекой к теплой, пушистой головке дочери. Маленькое курносое существо, пиявкой присосавшееся к ее груди, сжимало и разжимало пальчики в эйфории наслаждения. Сюзан убеждала себя, что должна сохранять спокойствие, ведь нельзя допустить, чтобы ее нервы и мышцы сейчас снова напряглись от привычной боли и беспокойства. Все говорят, это очень плохо для молока.

– Что-нибудь не в порядке, дорогой? – спокойно спросила она.

Но она знала, что именно не в порядке. Знала, что он ответит. И почувствовала до сих пор незнакомую и пугающую неприязнь к нему: ведь он не дает ей спокойно покормить Дебби! И пижаму не может застегнуть. Сидит там сгорбившись, полуголый... Распустился. «Что это со мной делается», – подумала она. Она никогда раньше так к нему не относилась. До рождения Дебби.

– Я больше не могу. Не могу сегодня пойти в Лабораторию.

– Ты болен?

Но она знала – он не болен. Пока еще не болен. Только это обязательно случится, если все оставить, как есть, с Эдвином Лорримером. Ее охватил давний страх – предчувствие надвигающейся беды. В книгах пишут о черном бремени беспокойства, и это правда, именно так она и ощущала это бремя – постоянную физическую тяжесть, словно давящую на плечи ноту, гнетущую сердце, лишаящую радости, и даже – подумала она горько – губящую счастье, которое дает им Дебби. Может быть, со временем это бремя погубит и их любовь. Сюзан молча прижала к себе другую, теплую и маленькую, ношу, устроила девочку поудобнее у себя на руках.

– Придется бросить эту работу. Все бесполезно, Сью. Я больше не могу. Он меня до того довел, что я и вправду стал таким ничтожеством, каким он меня считает.

– Но, Клифф, ты же знаешь, что это неправда. Ты прекрасный работник. В старой лаборатории никто никогда не мог на тебя пожаловаться.

– Я тогда ведь не был старшим научным. Лорример считает, что меня и не следовало повышать. Он прав.

– Он не прав. Дорогой, не позволяй ему лишить тебя уверенности. Это тебя погубит. Ты – надежный и добросовестный судебно-медицинский биолог. И тебя не должно беспокоить, что ты работаешь не так быстро, как другие. Это совершенно не важно. Доктор Мак всегда говорил: самое важное – это точность и аккуратность. Ну и что, если работа занимает у тебя больше времени? Ты же всегда в конце концов получаешь правильный ответ.

– Теперь не всегда. Теперь я даже простой тест с пероксидазой четко сделать не могу. Стоит ему подойти ко мне на метр-полтора, у меня руки трястись начинают. Я только что закончил исследование пятен на молотке – по делу Паско, о подозрении в убийстве. Так сегодня Лорример останется в Лаборатории, чтобы снова все перепроверить. И он обязательно доведет до сведения всей Лаборатории, почему он это делает.

Сюзан знала – Клифф не умеет противостоять грубости и сарказму. Может, из-за отца. Сейчас, после инсульта, старик парализован, и, наверное, ей следует испытывать к нему жалость, ведь он прикован к больничной койке, лежит недвижимый, словно срубленное дерево, подбородок дрожит, говорить не может, только злые глаза впиваются с бессильной яростью то в одно склоненное над ним лицо, то в другое. Но из того немногого, что мог порой обронить Клифф, выходило, что старик был ему плохим отцом. Нелюбимый и неудачливый школьный учитель, он возлагал ничем не обоснованные надежды на своего сына. А сын смертельно его боялся. Клифф больше всего нуждается в любви и поддержке. Ну и что, если он никогда не поднимется выше старшего научного? Кого это интересует? Он такой добрый, такой любящий. Так заботится о ней и Дебби. Он ее муж, и она его любит. Только он не должен уходить из Лаборатории. Разве он сможет найти другую работу? Какую? Ничего другого он делать не умеет. В Восточной Англии полно безработных, как и во всех других местах. А им надо выплачивать взносы за дом, и счета за электричество огромные – из-за отопления: на этом не сэкономишь, ведь Дебби нужно тепло. И за спальный гарнитур, купленный в рассрочку... Даже в детской мебель еще не полностью оплачена. Сюзан хотела, чтобы у Дебби было все новое и красивое, пришлось истратить последние сбережения.

– А ты не можешь обратиться в Организационный отдел с просьбой о переводе? – спросила она.

Отчаяние, звучавшее в его голосе, надрывало ей сердце:

– Никто не захочет меня взять, если Лорример скажет, что я ни на что не годен. Он, похоже, самый лучший суд-мед биолог в округе. И если он решил, что я ничтожество, значит, я – ничтожество.

Вот и это тоже стало ее раздражать – раболепное преклонение жертвы перед своим угнетателем. Порой, ужасаясь собственной нелояльности, она начинала понимать, почему доктор Лорример так презирает ее мужа.

– Почему бы тебе не поговорить с директором? – спросила она.

– Поговорил бы, если бы доктор Мак не ушел. А Хоуарту все равно. Он же у нас новичок. Ему ни к чему ссориться с руководящими сотрудниками, особенно сейчас, когда Лаборатория готовится к переезду в новое здание.

Тут она вспомнила про Миддлмасса, заведующего Отделом по исследованию документов. Она работала у него в Отделе младшим научным до того, как вышла замуж. Она и Клиффа встретила в Лаборатории Хоггата. Может, Миддлмасс сумеет что-нибудь сделать для них, поговорить с Хоуартом, использовать свое влияние в Орготделе. Она не вполне представляла себе, как он сумеет им помочь, но потребность довериться кому-то была совершенно непреодолима. Так больше просто нельзя. Клифф сорвется. Как только она будет справляться с ребенком и больным мужем, притом что их будущее совершенно не обеспечено? Но мистер Миддлмасс, конечно, сможет что-то сделать. Сюзан верила в него – ей необходимо было верить. Она взглянула на Клиффа.

– Не надо так волноваться, дорогой. Все будет хорошо. Мы что-нибудь придумаем. Ты иди сейчас на работу, а вечером мы все обсудим.

– Да как? Ведь твоя мать к ужину собиралась приехать.

– Значит, поговорим после ужина. Она должна успеть на автобус в семь сорок пять. Тогда и поговорим.

– Я больше так не могу, Сью.

– И не надо. Я что-нибудь придумаю. Все уладится. Обещаю тебе, дорогой. Все будет хорошо.

Глава 5

– Мам, а ты знала, что каждый человек уникален?

– Конечно, знала. Это каждому понятно. Ведь кого ни возьми – существует только один такой. Ты – это ты. Я – это я. Передай папе джем и вынь свой рукав из масленки.

Бренда Придмор, недавно получившая должность секретаря-регистратора в Лаборатории Хоггата, подтолкнула джем на другую сторону стола и принялась аккуратно, тоненькими ломтиками срезать белок с яйца, оттягивая – по детской еще привычке – решительный момент явления сверкающего желтизной купола, в который она с наслаждением погрузит свою вилку. Однако сегодня этот увлекательный ритуал совершался полуавтоматически. Мысли ее были заняты треволениями и открытиями, связанными с первой в жизни работой.

– Я хотела сказать – уникален биологически. Инспектор Блейклок, помощник сотрудника по связям с полицией, объяснил, что каждый человек имеет уникальные отпечатки пальцев и что на земле не может быть двух совершенно одинаковых типов крови. Если бы у ученых хватало нужной аппаратуры, они смогли бы их все один от другого отличить, эти типы крови. Ну, он считает, что такой день не за горами. Судебный ученый-серолог сможет определенно сказать, откуда кровь, даже если пятна уже высохли. Труднее всего с засохшей кровью. А если кровь свежая, мы гораздо больше можем выяснить.

– Интересную работку ты себе выбрала. – Миссис Придмор снова наполнила фаянсовый чайник из того, что кипел на плите, и вернулась на свое место за столом.

Кухня старой фермы, с кретоновыми занавесками в ярких цветах, все еще скрывавшими окна, наполнилась домашним теплом и уютом. Пахло подогретыми хлебами, жареным беконом и крепким, душистым чаем.

– Не могу сказать, чтоб мне все это так уж нравилось, – продолжала она. – Ведь тебе приходится принимать и регистрировать куски трупов и окровавленную одежду. Надеюсь, ты тщательно моешь руки перед уходом домой?

– Ну, мам, все совсем не так! Все вещдоки прибывают в пластиковых мешках, и к ним инд... идентификационные бирки привешены. И нам надо ужасно тщательно следить, чтоб на все ярлыки правильно наклеить и правильно все в журнал записать. Все дело в неразрывности улики, инспектор Блейклок называет это «целостность отбора». И нам никогда не присылают куски трупов.

Вдруг ей вспомнились запечатанные бутылки и колбы с содержимым желудков, тщательно иссеченными тканями печени и кишок: если подумать, ничуть не более страшные, чем экспонаты в школьной лаборатории по естествознанию. И она поспешно поправилась:

– Ну, присылают, конечно, но не в том виде, как вы думаете. Все вскрытия делает доктор Керрисон. Он – судебный патанатом при Лаборатории. И конечно, некоторые органы присылает к нам на анализ.

Еще ей вспомнилось, как инспектор Блейклок рассказывал, что в лабораторном холодильнике как-то хранилась целая голова. Но про это уж никак нельзя было маме говорить. Она даже жалела, что инспектор ей самой про это рассказал. С тех пор холодильник, приземистый и сверкающий, как хирургически стерильный саркофаг, приобрел в ее глазах какую-то зловещую притягательность. А миссис Придмор с радостью ухватилась за знакомое имя.

– Думается мне, я знаю, кто такой доктор Керрисон. Это ведь он живет в старом пасторском доме в Чевишеме, рядом с церковью, да? От него еще жена сбежала. С доктором каким-то, из его же больницы. И детей двух ему оставила: дочку – очень странная девочка, скажу я вам, и сынишку – бедный малыш, мне так его жалко. Помнишь, Артур, сколько об этом разговоров было?

Муж не ответил. Да она и не ждала, что он ответит. В доме существовал молчаливый уговор, что за завтраком беседу ведут только женщины, не вмешивая в нее Артура Придмора. Бренда с удовольствием продолжала просвещать родителей:

– Научные исследования в области судебной медицины не только помогают полиции установить, кто виновен. Мы помогаем снять обвинения с невиновного. Почему-то все об этом забывают. Вот в прошлом месяце к нам пришло дело – я, конечно, не могу назвать имена – шестнадцатилетняя девочка из церковного хора обвинила викария в изнасиловании. Так вот он оказался невиновным.

– Еще бы он оказался виновным! В изнасиловании! Подумать только!

– Но его дело казалось совсем безнадежным. А ему очень повезло. Потому что он – выделитель.

– Господи, это еще что такое?

– А у него группа крови может определяться по любой жидкости, которую его организм выделяет. Это не у всех людей бывает. Так что наш биолог смог сделать анализ его слюны и сравнить его группу крови с пятнами, которые остались у жертвы на...

– Бренда, не во время же завтрака, будь добра!

Бренда, чей взгляд как раз уперся в круглое молочное пятно на скатерти, и сама уже подумала, что завтрак не самое подходящее время для изложения недавно приобретенных знаний о том, как расследуется дело об изнасиловании. Она перешла к более безопасной теме:

– Доктор Лорример – главный научный сотрудник, он у нас заведует Отделом биологических исследований, – говорит, что мне следует позаниматься и сдать экзамен на аттестат зрелости повышенного уровня. Тогда я смогла бы получить должность ассистента научного сотрудника. Он считает, я способна на большее, чем секретарская работа. А когда я получу должность ассистента, я уже буду вроде как научный работник и смогу расти. Он говорит, некоторые самые знаменитые судмедэксперты именно так и начинали. Он обещал составить мне список литературы. А еще он говорит, что не видит, почему бы мне нельзя было пользоваться лабораторным оборудованием, если надо будет лабораторные работы делать.

– А я и не знала, что ты в Биологическом отделе работаешь.

– А я там не работаю. Я почти всегда в регистратуре, с инспектором Блейклом, только иногда помогаю в Общей канцелярии. Мы с ним разговорились, когда я целый день в его Лаборатории провела – сверяла с его сотрудниками докладные для суда, и он был так со мной любезен. У нас многие его не любят. Говорят, он слишком строгий. А я думаю, он просто очень стеснительный. Он мог бы стать нашим директором, да только МВД его обошло и доктора Хоурта назначили.

– Он вроде тобой очень заинтересовался, этот мистер Лорример.

– Доктор Лорример, мам.

– Ну, пусть будет доктор Лорример. Только зачем ему надо, чтоб его доктором звали, мне никак не понять. К вам же в Лабораторию больные на прием не ходят.

– У него докторская степень, мам. Он доктор философии.

– Вон оно что. А я-то считала, он науками занимается. Во всяком случае, ты будь с ним поосторожней.

– Ну что ты, мам, что за глупости! Он же старый. Ему уже лет сорок, а может, и больше. Мам, а ты знала, что наша Лаборатория – самая старая научно-исследовательская лаборатория судебной медицины в Англии? В каждом графстве есть такая, только наша – самая первая. Полковник Хоггат ее открыл в 1860 году, в своем Чевингемском поместье. Он тогда был главным констеблем. А перед смертью завещал поместье своему Угро. Судебная медицина тогда только зарождалась – так инспектор Блейлок говорит, – и полковник Хоггат был чуть ли не первым главным констеблем, который понял, какие у нее возможности. У нас в

вестибюле его портрет висит. И только наша Лаборатория называется по имени основателя. Поэтому в министерстве и согласились оставить нам это имя, когда мы в новое здание переедем. Другие отделения Угро – Северо-западное, Столичное и какие там еще – посылают вещдоки в свои региональные лаборатории. Но в Восточной Англии всегда говорят: «Лучше отправить это к Хоггату».

– Лучше бы тебе самой отправиться к Хоггату, если хочешь попасть туда к восьми тридцати. И не вздумай выбрать короткий путь, через новую Лабораторию. Здание и наполовину не готово, это небезопасно – ведь утром еще темно. Можешь в подвал провалиться, или кирпич на голову упадет. Не-ет, на стройке всегда опасно, это все знают. Вспомни, что случилось с твоим дядюшкой Уиллом!

– Да ладно, мам. Нам все равно не разрешают через стройку ходить. И потом, я же на велосипеде. Это мои бутерброды или папины?

– Конечно, твои. Ты же знаешь, папа всегда обедает дома по пятницам. Бутерброды с сыром и помидорами, а еще я тебе крутое яйцо положила.

Бренда помахала рукой на прощание, а миссис Придмор вернулась к столу выпить вторую чашку чаю. Посмотрела на мужа.

– Я думаю, не так уж плохо, что она себе такую работу нашла?

Когда Артур Придмор снисходил до застольной беседы, он высказывался авторитетно, тоном судьи: ведь он был управляющим у мистера Боулема и церковным старостой местного храма. Он положил вилку.

– Работа у нее хорошая. Ей повезло, что она получила это место. Ведь туда много девочек из средней школы хотели попасть, так? Она у нас теперь государственный служащий, верно? Положение твердое. А посмотри, сколько она получает? Больше, чем свинарь на ферме. И пенсия ей обеспечена. Она разумная девочка, с ней все будет в порядке. А у нас тут не очень-то много возможностей для девочек, у которых аттестаты не повышенного уровня. И ты сама была против, чтобы она работу в Лондоне искала.

Да уж, это точно. Миссис Придмор вовсе не хотела отпускать Бренду в Лондон, чтобы она там стала легкой добычей для грабителей, террористов из ИРА и тех, кого в газетах называли странным словом «наркота». Ни один из ее нечестных и небогатых событиями, но вполне благополучных визитов в столицу: в театр – с экскурсией Женского института⁶ или за покупками – не смог пошатнуть ее уверенности, что Ливерпуль-Стрит⁷ – темный и полный опасностей вход в городские джунгли, где хищники, вооруженные бомбами и шприцами, скрываются в закоулках на каждой станции метро, а соблазнитель расставляют ловушки для наивных провинциалок в каждой конторе. Бренда – красивая девочка, думала ее мать. И нет смысла закрывать глаза на то, что внешнею она пошла в родню с материнской стороны, хотя мозги у нее, конечно, отцовские. Так что миссис Придмор не собиралась подвергать девочку лондонским соблазнам. Бренда сейчас «ходит» с Джералдом Боулемом, младшим сыном мистера Боулема, у которого служит ее отец, и если все пойдет, как идет, спору нет, это будет очень неплохой брак. Ему, конечно, не видать главной фермы, но неподалеку, в Уизбиче, у Боулемов есть очень миленькая небольшая усадьба, которую мальчик и получит. Так что миссис Придмор не видела смысла во всех этих разговорах про экзамены и карьеру. Работа в Лаборатории и так прекрасно Бренде подходит, пусть она за нее и держится, пока замуж не выйдет. Только очень жаль, что там, куда ни кинь, все кровь да кровь.

⁶ Женский институт – женская организация, способствующая регулярным встречам женщин сельских районов для общения, занятий ремеслами, культурной и общественной деятельностью.

⁷ Ливерпуль-Стрит – пригородный железнодорожный вокзал в Лондоне.

– Конечно, все это ее очень увлекает. Все ей внове. Ну только я скажу, какая разница – эта работа или другая какая? Большую часть времени тоже скука одна. Не думаю, что с нашей Брендой что-нибудь такое уж страшное может в Лаборатории Хоггата случиться.

Такую беседу о первой работе их единственной дочери они вели уже не в первый раз: повторение привычных доводов утешало и успокаивало обоих. Мысленно миссис Придмор следовала за дочерью, пока та энергично крутила педали своего велосипеда: вот ее велосипед подскакивает по проселку между равнинными полями мистера Боулема и выбирается на Тенпенни-роуд, мимо коттеджа миссис Баттон, где в детстве Бренду угощали рисовыми лепешками и домашним лимонадом; проезжает через дамбу Тенпенни-Дайк, где она до сих пор летом собирает первоцветы-баранчики, потом сворачивает направо, на шоссе Чевишем-роуд, и мчит по прямой целых три километра, мимо владений капитана Мэсси, и въезжает в Чевишем. Тут уж она наизусть каждый метр знает, все тут знакомо, никаких тебе опасностей, можете быть уверены. И даже Лабораторию Хоггата, хоть там кровь, хоть не кровь, знают в Чевишеме больше семи десятков лет, а само поместье Хоггата – Чевишем-Мэнор – простояло тут почти втрое дольше. Ничего такого уж страшного в этой Лаборатории с Брендой не может случиться. Миссис Придмор, вполне успокоившись, раздвинула занавески на окнах и с удовольствием принялась за третью чашку чаю.

Глава 6

Без десяти девять почтовый фургон подъехал к Спроггову коттеджу на окраине Чевишема, чтобы доставить письмо. Письмо было адресовано мисс Стелле Моусон, Лавандовый коттедж, Чевишем, но почтальон был человек здешний и разница в названии коттеджа его не смущала. Целых четыре поколения Спроггов жили здесь раньше, и крохотная треугольная лужайка перед домом всегда звалась Спрогговым лужком. Новый владелец, пристроив к коттеджу гараж, современную кухню и ванную, решил отметить эту метаморфозу, насадив вокруг дома зеленую изгородь из кустов лаванды и изменив название. Но местные жители сочли новое название всего лишь чудной прихотью чужака, которую вовсе ни к чему признавать, а тем более использовать. Лавандовая изгородь, как бы из сочувствия к их точке зрения, не смогла пережить первую же местную зиму, и Спроггов коттедж остался Спрогговым коттеджем.

Анджела Фоули, в свои двадцать семь лет личный секретарь директора Лаборатории Хоггата, взяла конверт. Уже по качеству бумаги, по профессионально отпечатанному адресу и лондонской марке она тотчас же догадалась, что это за письмо. Этого письма они и ждали. С конвертом в руке Анджела прошла на кухню, где завтракала вместе с подругой, и молча протянула ей письмо. Внимательно следила за выражением ее лица, пока та читала. Подождав с минуту, спросила:

– Стелла? Ну, что?

– То, чего мы боялись. Он больше не может ждать. Ему нужно побыстрее продать дом, и у него имеется приятель, которому этот коттедж может пригодиться – выходные проводить. Как постоянные съемщики, мы имеем право первого выбора, но к следующему понедельнику он должен знать, интересуется нас его предложение или нет.

Стелла перебросила листок через стол Анджеле. Анджела с горечью откликнулась:

– Интересует? Разумеется, интересуется! Он и сам это прекрасно знает. Мы ему несколько недель назад дали знать, что ищем деньги под закладную.

– Ну, это просто у юристов жаргон такой. На самом деле его поверенный просто хочет выяснить, готовы мы купить коттедж или нет. А у нас ответ может быть только один – не готовы.

Арифметика тут простая. Нечего было и обсуждать. Владелец запрашивал шестнадцать тысяч фунтов. Ни один банк, дающий ссуды под закладные, куда бы они ни обращались, не давал больше десяти. Обе вместе они сэкономили чуть больше двух тысяч фунтов. Для первого взноса не хватало четырех. А время поджимало, и эти четыре достать было так же невозможно, как если бы им не доставало сорока.

Анджела сказала:

– Меньше он, наверное, ни за что не возьмет?

– Нет. Мы ведь уже пробовали. Да и с чего бы вдруг? Полностью обновленный коттедж семнадцатого века, с тростниковой крышей. Да мы и сами его улучшали, насадили сад. Глупо было бы отдать дом дешевле, чем за шестнадцать, даже постоянно живущим съемщикам.

– Но, Стар, мы же и есть постоянно живущие! Ему придется сначала выселить нас!

– Только по этой причине он и ждет так долго. Знает, в наших силах ему все осложнить. Но я вовсе не собираюсь жить тут, зная, что нас едва терпят, что в конце концов все равно придется съехать. Я не смогу писать в таких условиях.

– Но нам ведь не собрать четыре тысячи за неделю! И кредит в банке не взять – при том, как обстоят сейчас дела, даже если бы...

– Если бы у меня книга должна была выйти в этом году. Но она не выйдет. И то, что я зарабатываю своими писаниями, едва покрывает мою часть расходов на жизнь. Ты очень тактично ни словом об этом не обмолвилась.

Но она и не собиралась этого говорить. Стелла не из тех писателей, что работают как конвейер, выпуская одну книгу за другой. И нельзя рассчитывать, что ее книги принесут много денег. Как это сказал один из недавних рецензентов? «Изоощренная наблюдательность в сочетании с элегантно, глубоко эмоциональной и многосмысленной прозой». Неудивительно, что Анджела может наизусть цитировать все рецензии, хоть порой и задумывается над тем, что же в них на самом деле имеется в виду. Ведь именно она так аккуратно и тщательно наклеивает их на страницы альбома для вырезок, который Стелла так подчеркнуто презирует! Она смотрела, как подруга ходит взад-вперед по кухне: голова опущена, руки глубоко засунуты в карманы домашнего платья, шаг – напряженно крадущийся... Эту ее манеру ходить они меж собой называли «тигриной охотой». Потом Стелла сказала:

– Как жаль, что этот твой кузен такой неприятный. Можно было бы попросить у него займы. Он легко обошелся бы без такой суммы.

– Но я ведь уже обращалась к нему. Не из-за дома, конечно. Я уже как-то просила его одолжить мне денег.

Смешно, до чего трудно ей было признаться в этом. В конце концов, Эдвин действительно ее кузен. Она вправе была у него попросить. И кроме того, это же были деньги ее собственной бабушки! И непонятно, почему Стар сердится. Временами Анджела совсем не страдала, когда Стелла сердилась. Иногда даже нарочно провоцировала эти вспышки гнева, ожидая – возбужденно и полувиновато – взрыва горечи и отчаяния. В такие моменты она чувствовала себя не столько жертвой, сколько привилегированным зрителем, еще более наслаждаясь неминуемым раскаянием и сладостью примирения. Но сейчас, впервые за все время, она ощутила холодок настоящего страха.

– Когда?

Отступать было некуда:

– В прошлый вторник. Вечером. После того как ты решила, что нам следует отменить заказ на мартовскую поездку в Венецию – из-за разницы в курсах валют. Я хотела, чтоб это был подарок тебе ко дню рождения. Поездка в Венецию.

Анджела рисовала себе эту сцену. Как она протягивает Стар билеты и гостиничные квитанции, вложенные в огромную поздравительную открытку. Как Стар пытается скрыть удивление и восторг. Как они вместе сидят над картами и путеводителями, планируя маршруты на каждый восхитительный день. Увидеть впервые в жизни ни с чем не сравнимый собор Святого Марка с западной стороны площади. Стар читала ей Раскина – описание этого вида: «Бесчисленные колонны и белые купола, образующие удлинненную пирамиду красочного света». Вместе стоять на Пьяцетте ранним утром, глядя через сверкающие воды на Сан у Джорджо Маджоре. Мечта. Такая же хрупкая, как и сам этот разрушающийся город. Но надежда на ее исполнение стоила того, чтобы сделать усилие над собой и попросить Эдвина одолжить им деньги.

– И что же он ответил?

Не оставалось ни малейшей возможности смягчить жестокий отказ и стереть из памяти всю унижительную сцену.

– Он ответил – нет.

– Я полагаю, ты объяснила ему, зачем тебе эти деньги? Тебе ни на минуту не пришло в голову, что мы уезжаем отсюда, чтобы побыть наедине, что наш отпуск – это наше личное дело, и мне может быть унижителен тот факт, что я не могу позволить себе поехать с тобой в Венецию даже на десять дней, даже в комплексное турне, и что Эдвину об этом известно.

– Я ему не сказала! – Анджела отрицала обвинение со всей страстностью, на какую была способна: ее испугал вдруг охрипший голос подруги и к глазам подступили жгучие слезы. Как странно, думала она, что только я способна плакать. Из них двоих Стар была самой эмоциональной, самой страстной. Но Стар никогда не плакала. – Я ничего ему не сказала. Только – что мне нужны деньги.

– Сколько?

Она заколебалась. Может, лучше солгать? Но она никогда не лгала Стелле.

– Пятьсот фунтов. Я подумала, уж если ехать, то чтобы все было, как надо. И сказала ему, что мне очень нужны пятьсот фунтов.

– Так что неудивительно, что на этот неопровержимый довод он ответил отказом. Что он конкретно сказал?

– Только то, что наша бабушка очень определенно выразила в завещании свои намерения и он не собирается действовать им вопреки. Тогда я сказала, что все эти деньги все равно отойдут ко мне после его смерти... То есть ведь он мне сам так сказал, когда прочли завещание... И что тогда будет слишком поздно – я буду уже старая. Или умру раньше его. И что важно то, что сейчас. Но я ему не сказала, зачем мне эти деньги. Клянусь тебе.

– Клянешься? Зачем так драматично? Мы же не в суде! А что он еще сказал?

Если бы только Стар перестала ходить взад-вперед, обернулась бы и взглянула на нее, если бы перестала допрашивать этим ледяным инквизиторским тоном! Следующую часть разговора было еще труднее передать. Она и самой себе не могла объяснить почему, но ей так хотелось выбросить это из головы, хотя бы на миг. Когда-нибудь, в подходящий момент, она об этом обязательно рассказала бы. Она никогда не предполагала, что ее принудят к откровенности так неожиданно и жестоко.

– Ну, он сказал, чтобы я не рассчитывала на его завещание. Он сказал, у него могут появиться новые обязательства. «Обязательства» – именно это слово он употребил. И если они появятся, завещание потеряет силу.

Стар резко повернулась и теперь смотрела прямо на нее.

– Новые обязательства? Женьтьба! Ну, это совершенно смехотворно! Он – женится! Этот выщелоченный педант, этот самовлюбленный ханжа! Да способен ли он добровольно коснуться живого тела – кроме своего собственного? Зло, совершаемое в одиночку, тайные мазохистские грешки – вот все, что доступно его пониманию. Нет, зло – это, пожалуй, слишком для него сильно. Он – и женьтьба? А ты не думаешь... – Она вдруг смолкла.

Анджела сказала:

– Он ничего не говорил о женьтьбе.

– А зачем говорить? Что иное может автоматически сделать уже написанное завещание утратившим силу? Если не написано новое? Женьтьба отменяет прежнее завещание. Ты разве не знала?

– Ты хочешь сказать, как только он женится, я утрачиваю право наследования?

– Да.

– Но это же несправедливо!

– С каких это пор жизнь стала отличаться справедливостью? Разве справедливо, что ваша бабушка оставила все деньги ему, так как он – мужчина, вместо того чтобы разделить их между вами поровну? Понятно, она придерживалась старого предрассудка, что женщины не должны обладать деньгами. Справедливо, что ты – всего лишь секретарь в Лаборатории Хоггата, потому что никто не позаботился дать тебе образование получше? И вовсе несправедливо, если уж мы заговорили об этом, что тебе приходится материально поддерживать меня.

– Я тебя не поддерживаю. Наоборот – во всех отношениях, кроме самого несущественного, ты поддерживаешь меня.

– До чего же унизительно – после смерти стоять больше, чем при жизни! Если бы у меня разорвалось сердце – нынче вечером – у тебя все сразу уладилось бы. Ты смогла бы получить мою страховку и купить этот дом. И остаться тут. Банк дал бы тебе кредит сразу, как стало бы известно, что ты моя наследница.

– Зачем мне тут оставаться без тебя? Не хочу.

– Ну, если бы тебе пришлось отсюда уехать, моя смерть по крайней мере дала бы тебе возможность самой устраивать свою жизнь так, как ты захочешь.

Анджела выкрикнула, протестуя:

– Я никогда ни с кем не смогу жить вместе, кроме тебя! И я не хочу жить нигде в другом месте – только здесь, в этом доме. И ты прекрасно это знаешь. Потому что здесь мы – дома!

Здесь они были дома. Это был ее – единственный за всю жизнь – дом. Не нужно было приглядываться, чтобы с поразительной ясностью разглядеть каждый знакомый и любимый предмет из тех, что ее здесь окружали. Ночью, лежа в постели, Анджела могла вообразить, как она уверенно проходит по всему дому, любовно касаясь то одной, то другой вещи, радуясь самой мысли о том, какие – обоюдные – воспоминания связаны с ними, черпая в этих воспоминаниях поддержку. Вот два викторианских цветочных горшка – глазурованные, на одинаковых подставках из дерева: их они отыскиали в Рядах, в Брайтоне, в какой-то из выходных. Пейзаж маслом – Уикенские Болота, – восемнадцатый век: неразборчивая подпись художника, которую они пытались рассмотреть даже под микроскопом, позволила им провести столько счастливых мгновений в самых невероятных догадках. Французский меч в узорных ножнах, обнаруженный на деревенской распродаже, висел теперь у них над камином. Дело было не просто в том, что все это – их, их собственное: дерево, фарфор, картины, столовое и постельное белье – все это были символы их жизни вместе. Этот коттедж, эти их вещи означали, что они – вместе, украшали и придавали реальность их совместному существованию так же, как цветы и кустарник, насаженные ими в саду, ограждали подопечную им территорию – территорию взаимного доверия.

Вдруг с неизъяснимым ужасом ей вспомнился часто повторяющийся кошмарный сон. Они обе стоят лицом друг к другу, в какой-то мансарде. Голые стены в пятнах от снятых картин, доски пола неприятно шероховаты под босыми ногами. Обе они обнажены – двое чуждых друг другу людей, голых, в голой пустыне. Она пытается протянуть руки к Стелле, коснуться ее пальцев, но не может приподнять чудовищно распухшие, тяжелые комья плоти, в которые обратились ее предплечья и кисти. Дрожь, сотрясая тело, вернула Анджелу в реальность, в холодное осеннее утро, ко все еще звучащему голосу подруги.

– Сколько же оставила ваша бабушка? Ты говорила, но я не помню.

– Около тридцати тысяч, кажется.

– А он, разумеется, ничего из этой суммы не потратил. Живет со стариком отцом в жалком домишке при мельнице. Даже мельницу не подновил. Им обоим его зарплаты за глаза хватит, не говоря уже о пенсии, которую старик получает. Лорример ведь старший научный, да? Сколько ему платят?

– Он главный научный сотрудник. Тарифная ставка – до восьми тысяч.

– О Господи! Да он больше за один год получает, чем я – за четыре романа! Ну, я думаю, если он из-за пяти сотен уперся, то уж с четырьмя тысячами вряд ли расстанется, тем более что высоких процентов мы ему никак предложить не можем. Пожалуй, я решусь сама с ним поговорить.

Разумеется, Стелла просто ее поддразнивала, но Анджела слишком поздно догадалась об этом и не смогла скрыть охватившей ее паники:

– Нет, Стар, прошу тебя! Ни за что!

– Ты и в самом деле его так ненавидишь?

– Не ненавижу, нет. Он мне безразличен. Просто я не хочу быть ему ничем обязана.

– Так и я этого не хочу. Ты и не будешь ему ничем обязана.

Анджела вышла в переднюю и вернулась, надевая пальто.

– Я опоздаю в Лабораторию, если задержусь хоть на минуту. Жаркое – в духовке. Постарайся не забыть включить духовку в половине шестого. И не трогай регулятор. Я убавлю огонь, когда вернусь.

– Мне думается, я справлюсь.

– Я беру с собой бутерброды, так что к ленчу домой не приду. В холодильнике – ветчина и салат. Тебе этого хватит, а, Стар?

– Не беспокойся, как-нибудь выживу.

– То, что я вчера отпечатаала, – в папке. Но я не перечитывала.

– Ай-яй-яй, как нехорошо!

Стелла проводила подругу до двери.

– Я не удивлюсь, если в Лаборатории все думают, что я тебя эксплуатирую.

– В Лаборатории никто о тебе ничего не знает. И мне безразлично, что они там думают.

– А Эдвин? Он тоже думает, что я тебя эксплуатирую? Или – что он вообще думает обо мне?

– Я не желаю о нем говорить.

Анджела накинула шарф на белокурые волосы. В древнем зеркале с рамой из резных ракушек она увидела себя и Стеллу, с лицами, искаженными дефектом в стекле: зелено-вато-карие, огромные глаза Стеллы расплылись, словно мазки влажной краски, заполнив глубокие впадины между носом и ртом, а ее собственный широкий лоб выпукло выпятился, как у ребенка-гидроцефала.

– Интересно, что бы я почувствовала, если бы Эдвин вдруг на этой неделе умер? – сказала она. – Сердечный приступ, автомобильная катастрофа, кровоизлияние в мозг...

– Жизнь вовсе не так удобно устроена.

– Смерть тоже. Стар, ты ответишь сегодня этому поверенному?

– Он не ждет ответа раньше понедельника. Я могу просто позвонить ему в Лондонскую контору в понедельник утром. Так у нас будет еще пять дней. За пять дней всякое может случиться.

Глава 7

– Но они же точь-в-точь как мои – штанишки эти! У меня точно такая же пара! Я их у «Маркса и Спенсера» купила, в Кембридже, с первой зарплаты!

Было десять тридцать пять утра, и Бренда Придмор за регистрационным столом в дальней части главного вестибюля Лаборатории следила широко распахнутыми глазами, как инспектор Блейклок придвигает поближе полиэтиленовый мешок с наклейкой. Прибыли первые вещественные доказательства по делу об убийстве в меловом карьере. Бренда осторожно провела пальцем по прозрачному пластику, сквозь который были ясно видны скомканные трусики с пятнами в промежности. Констебль-детектив, доставивший вещдоки, сказал, что девушка эта была на танцах. Странно, думала Бренда, как это она не позаботилась надеть чистое белье? Может, она была не очень опрятна? Или слишком спешила и ей некогда было переодеться? А теперь ее самые сокровенные одежды, которые она так бездумно надела в день смерти, будут разглаживать чужие руки, их будут пристально рассматривать в ультрафиолетовых лучах, а может, даже, тщательно описанные и снабженные новыми ярлыками, они будут переданы в руки судей и присяжных Королевского суда.

Бренда сознавала, что теперь никогда уже не сможет надеть свои трусики – теперь их прелесть для нее навсегда омрачена воспоминанием о незнакомой убитой девушке. Может быть, они обе выбирали их вместе, в одном и том же магазине, в один и тот же день. Бренда хорошо помнила радость первой траты первых самостоятельно заработанных денег. Это было в субботу, во второй половине дня, и в отделе дамского белья была настоящая давка; множество рук, наталкиваясь друг на друга, перебирали трусики. Ей больше всего понравилась пара с россыпью розовых, машинной вышивки цветочков по всему переду. И этой незнакомой девушке – тоже. Может быть, их руки даже соприкоснулись, выбирая...

– Инспектор! – воскликнула Бренда. – Смерть – это ведь ужасно, правда?

– Ужасно убийство. Смерть – нет. Во всяком случае, не больше, чем рождение. Одно ведь не может существовать без другого, иначе нам всем не хватило бы места. Я так думаю, что не слишком буду волноваться, когда мое время придет.

– Но ведь полицейский, который вещдоки доставил, сказал – ей было всего восемнадцать. Как мне!

Блейклок готовил папку с бумагами для нового дела, аккуратно перенося туда все детали из полицейского протокола. Голова его, с коротко стриженными волосами, так напоминавшая сухую стерню, низко склонилась над страницей, и Бренда не видела его лица. Тут она вспомнила – ей ведь говорили, – что он совсем недавно потерял единственную дочь. Ее сбила машина, а подлец-водитель умчался, даже не остановившись. Бренда пожалела, что начала этот разговор. Вспыхнув, она отвела глаза.

Но когда Блейклок заговорил, голос его звучал очень ровно:

– Да, бедная девочка. Наверное, водила его за нос. Ничему их не научишь. Что там у тебя?

– Пакет с мужскими вещами. Костюм, ботинки, нижнее белье. Как вы думаете, это вещи главного подозреваемого?

– Скорее всего это вещи ее мужа.

– А что по ним можно доказать? Ее ведь задушили, разве нет?

– Точно никто не скажет, пока мы не получим заключения доктора Керрисона. Но обычно исследуются вещи главного подозреваемого. Может остаться след крови, песчинка или кусочек земли, краска, крохотные волокна с одежды жертвы, даже след ее слюны. Или еще – она могла быть изнасилована. Весь этот узел отправится в Отдел биологических исследований, в поисковую лабораторию, вместе с одеждой жертвы.

– Но ведь полицейский ничего не сказал об изнасиловании! И мне кажется, вы сказали, это вещи ее мужа?

– Слушай-ка, не надо тебе об этом беспокоиться. Надо научиться быть отстраненной – так, кажется, говорят? Вроде врача или медсестры.

– А судебные медики? Они тоже так к этому относятся?

– Скорее всего. Это же их работа. Они не думают о жертвах и подозреваемых. Над этим полицейские голову ломают. А наших интересуют только научные факты.

Он, конечно, прав, думала Бренда. Она вспомнила, как всего лишь три дня назад, когда старший научный сотрудник Отдела по исследованию орудий и инструментов разрешил ей заглянуть в огромный электронный микроскоп-сканер, она увидела, как изображение крохотного кусочка замазки мгновенно разрослось в сверкающий экзотический цветок. Ученый объяснил ей:

– Это – кокколит, увеличенный в шесть тысяч раз.

– Это – что?

– Скелет микроорганизма, жившего в древних морях, на месте которых и отложился мел, использованный в этой замазке. Эти скелеты отличаются друг от друга – в зависимости от того, из какого карьера брали мел. По ним можно отличить один образец замазки от другого.

Бренда тогда воскликнула:

– Но он такой красивый!

Ученый сменил ее у окуляра и сказал:

– И правда, смотрится очень мило.

Однако Бренде уже тогда стало ясно, что сама-то она пыталась заглянуть на миллионы лет назад, в то время как ученый думал лишь о крохотном соскобе замазки с ботинка подозреваемого: этот след мог доказать, что подозреваемый и в самом деле насильник или убийца. И все же, подумала она тогда, его и это вовсе не волнует. Правильный ответ – вот все, что его заботит. И не имело смысла спрашивать его, не кажется ли ему, что все в жизни объединено единой целью, что животное – такое крохотное, не видимое невооруженному глазу – погибло миллионы лет назад в морских глубинах, а теперь усилиями ученых воскрешено, чтобы доказать вину или невиновность человека. Как странно, размышляла она, что ученые так редко бывают верующими: ведь сама их работа открывает им мир, такой замечательно разнообразный и в то же время такой единый и цельный. Известно было, что из сотрудников Лаборатории Хоггата только доктор Лорример регулярно посещает церковь. Интересно, можно будет у него спросить про Бога и кокколиты? Сегодня утром он был очень добр с ней, когда стало известно про это убийство. Он приехал в Лабораторию поздно, около десяти, и выглядел ужасно усталым – ведь он провел ночь на месте убийства. Он подошел к регистрационному столу взять личную почту. И сказал ей:

– Сегодня утром вам придется принимать вещдоки по первому для вас делу об убийстве. Не нужно из-за них расстраиваться, Бренда. Есть только одна смерть, которой следует бояться, – наша собственная.

Очень странно, что он так сказал. Странно, что выбрал такой способ ее успокоить. Но он, конечно, прав. И она вдруг обрадовалась, что инспектор Блейклок сам оформил всю документацию по делу об убийстве в меловом карьере. Теперь, если только правильно повести себя, владелица запачканных трусиков так и останется для Бренды неизвестной, безымянной, просто номером в серии экспонатов Биологического отдела, обозначенным на папке из желтоватого картона. Мысли ее нарушил голос инспектора Блейклока:

– Ты подготовила к отправке те заключения для суда, что мы с тобой вчера сверяли?

– Да, я их все в журнал занесла. Я хотела спросить у вас: почему все официальные показания для суда имеют шапку «Акт об уголовном судопроизводстве тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года, разделы два и девять»?

– Это установленный законом документ, подтверждающий полномочия на дачу письменных показаний при оформлении ордеров на арест или представляемых в Королевский суд. Ты можешь посмотреть разделы два и девять в нашей библиотеке. До этого акта лабораториям приходилось, прямо сказать, ой как туго: ведь все показания судмедэксперты должны были давать устно! Но учти, те эксперты, которые обязаны появляться в суде, до сих пор тратят значительную часть времени в судебных процессах. Защита вовсе не всегда принимает научные доказательства. Это очень трудная часть работы, гораздо труднее, чем сам анализ: приходится стоять на свидетельском месте, в полном одиночестве, отстаивая результаты анализа при перекрестном допросе. Если ученый не может выстоять на свидетельском месте, вся работа, которую он так тщательно проделал за лабораторным столом, идет насмарку.

И Бренда вспомнила, что говорила ей миссис Моллет: водитель, убивший дочку Блейк-клока, был оправдан потому, что судмедэксперт сломался при перекрестном допросе. Что-то такое было связано с анализом кусочков краски от машины, обнаруженных на дороге. Как страшно, должно быть, потерять единственного ребенка. Вообще потерять ребенка. Наверное, это самое худшее, что может с человеком случиться. Неудивительно, что он такой молчаливый. Когда полицейские приходят и начинают свои громогласные шуточки отпускать, он только улыбнется им по-доброму, и все.

Она бросила взгляд на лабораторные часы на стене напротив. Десять сорок пять. Вот-вот появятся слушатели Курсов по расследованию на месте преступления. Сегодня у них лекция по сбору и хранению научных доказательств. Краткий период затишья скоро кончится. Интересно, что подумал бы полковник Хоггат, если бы мог сегодня посетить свою Лабораторию. И Бренда снова, далеко не в первый раз, взглянула на его портрет, висевший рядом с кабинетом директора. Даже со своего места в глубине зала она могла рассмотреть золотые буквы на раме:

ПОЛКОВНИК УИЛЬЯМ МЕЙКПИС ХОГГАТ

КАВАЛЕР ОРДЕНА «КРЕСТ ВИКТОРИИ»

ГЛАВНЫЙ КОНСТЕБЛЬ, 1894 – 1912

**ОСНОВАТЕЛЬ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
ЛАБОРАТОРИИ СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЫ**

Он стоял посреди комнаты, которая и до сих пор использовалась как библиотека; его румяное лицо, с усами и бакенбардами, казалось суровым под гордым плюмажем шляпы; туго затянутый мундир, весь в шнурах и медалях, украшен рядом золоченых пуговиц. Одна властная рука легко, словно пастырское благословение, возложена на старомодный микроскоп, блистающий медью. Но грозный взгляд его глаз устремлен вовсе не на это последнее достижение науки: он устремлен прямо на Бренду. И под этим осуждающим взглядом, призывающим к исполнению долга, она принялась за работу.

Глава 8

К двенадцати часам в кабинете директора закончилось совещание старшего научного состава. Обсуждали, какая мебель и какое оборудование потребуются для нового здания Лаборатории. Хоуарт вызвал секретаршу привести в порядок стол заседаний. Он смотрел, как мисс Фоули вытряхивает и протирает пепельницу (сам он не курил, и запах сигаретного пепла был ему неприятен), собирает экземпляры поэтажных планов Лаборатории и разбросанные по столу ненужные бумаги. Со своего места за столом он мог рассмотреть сложные геометрические фигуры, которые вычерчивал во время заседания Миддлмасс, и копию повестки дня, залитую кофе и скомканную Биллом Морганом, заведомо по исследованию транспортных средств.

Он смотрел на молодую женщину, на ее ловкие и уверенные движения, и думал, что же кроется за этим необычайно широким лбом за чуть косо поставленными, загадочными глазами. Ему очень не доставало его прежней помощницы – секретаря-референта Марджори Фарэкер, не доставало гораздо больше, чем он ожидал. Это даже неплохо и несколько поубавит ему спеси, решил он удрученно, что ее преданность оказалась не настолько глубокой, чтобы заставить ее покинуть Лондон и последовать за ним на Болота. Неожиданно для него обнаружилось, что у Марджори есть собственная личная жизнь. Как все хорошие секретарши, она обладала – или хотя бы успешно делала вид, что обладает, – некоторыми идеализированными качествами жены, матери, любовницы, наперсницы, служанки и друга одновременно, не имея ни намерения, ни надежды стать тем или другим. Она льстила его самолюбию, оберегала от мелких неприятностей и забот, с материнской ворчливостью охраняла его покой и с бесконечным тактом добивалась того, чтобы он всегда знал все, что ему следовало знать о происходящем в его Лаборатории.

Хоуарт не мог пожаловаться на Анджелу Фоули. Она была более чем компетентной стенографисткой и дельным секретарем. Ничто и никогда не оставалось несделанным. Вся загвоздка была в том, что – он чувствовал это – для нее он как бы не существовал; его авторитет, его власть, которым она так мягко подчинялась, были для нее тем не менее лишь чем-то вроде фарса. То, что она двоюродная сестра Лорримера, не имело к этому никакого отношения. Хоуарт никогда не слышал, чтобы она хоть раз упомянула имя своего кузена. Порой ему хотелось бы узнать, как она живет в этом своем захолустном коттедже, с подругой-писательницей. Удовлетворяет ли ее такая жизнь и насколько. Но она ничего ему не говорила – ни о себе, ни даже о Лаборатории. Он понимал, что сердце Лаборатории, как у всех институтов подобного рода, бьется в определенном ритме, но сам не мог уловить биение этого пульса.

– Министерство иностранных дел, – сказал он, – хочет, чтобы мы приняли датского биолога на два-три дня. В следующем месяце. Он приезжает в Англию познакомиться с судебно-медицинскими учреждениями. Будьте добры, запишите его на те часы, когда я свободен и смогу уделить ему время. И проконсультируйтесь с доктором Лорримером о его расписании. Затем сообщите в министерство о том, когда мы готовы его принять.

– Хорошо, доктор Хоуарт.

Слава Богу, хоть с аутопсией покончено. Все оказалось гораздо хуже, чем он ожидал, но он все-таки выстоял до конца, не опозорившись. Он никак не предполагал, что человеческое тело – даже мертвое – так ярко красочно, так экзотически прекрасно. Сейчас он снова видел Керрисона, его руки в перчатках, обтянутые резиной пальцы – гибкие, словно угри – погружаются в отверстие тела. Доктор работает, объясняет, показывает, отбрасывает... По всей вероятности, у него выработался иммунитет и к тошнотворно-сладкому запаху морга, и к отвращению вообще. Да и для всех экспертов, профессионально исследующих насильствен-

ную смерть, каждодневно наблюдающих картины конечного разрушения личности, жалость оказывается столь же неуместна, сколь и отвращение.

Мисс Фоули закончила и собралась уходить. Подошла к его столу, чтобы забрать бумаги из корзинки с исходящими. Хоуарт спросил:

– Инспектор Блейклок уже подсчитал средние цифры оборачиваемости за прошлый месяц?

– Да, сэр. Средняя для всех вещдоков сократилась до двенадцати дней, а по содержанию алкоголя в крови – до одного и двух десятых. Но средняя по преступлениям против личности снова выросла. Я как раз печатаю сводку.

– Дайте ее мне, как только закончите, пожалуйста.

Некоторые воспоминания, предполагал он, окажутся еще более устойчивыми, чем то, как Керрисон скальпелем намечает на молочно-белой коже длинную линию первичного разреза. Например, ухмылка Дойла, так похожего на огромного черного быка, когда они, стоя бок о бок, мыли руки в умывальной. «И с чего это вдруг, – думал он, – мне понадобилось мыть руки? Я же их не пачкал».

– Ну, все сделано по высшему разряду. Аккуратность, быстрота и тщательность – в этом весь док Керрисон. Жалко, мы не сможем пригласить вас, когда будем готовы брать молодчика. Не положено. Этот номер вам придется себе просто вообразить. Ну, ведь можно потом будет в суд прийти, если повезет, конечно.

Анджела Фоули стояла перед директорским столом, глядя на Хоуарта как-то странно – так ему показалось.

– Да?

– Скоби пришлось уйти домой, доктор Хоуарт. Он очень неважно себя чувствует. Думает, это может быть тот самый двухдневный грипп, который сейчас всюду ходит. А еще он сказал, что инсинератор⁸ вышел из строя.

– Надо полагать, он позвонил механику, прежде чем уйти?

– Да, сэр. Он говорит, инсинератор был в порядке вчера утром, когда инспектор Дойл приходил. Нормально работал.

Хоуарт рассердился. Это была одна из тех мелких деталей административной работы, которыми мисс Фарэкер никогда и не подумала бы его беспокоить. Мисс Фоули, догадался он, вероятно, ожидала от него сочувственных слов по поводу Скоби, вопроса о том, в состоянии ли тот добраться до дому на велосипеде. Доктор Макинтайр, несомненно, взволнованно проблеял бы что-нибудь, узнав, что кто-то из его сотрудников заболел. Хоуарт склонился над бумагами.

Но мисс Фоули была уже у дверей. Он заставил себя произнести:

– Будьте любезны, попросите доктора Лорримера зайти ко мне на несколько минут.

А ведь он мог вполне обычным тоном попросить его задержаться после совещания; почему же он этого не сделал? Возможно, потому, что такая просьба при всех прозвучала бы слишком начальственно? А скорее всего потому, что эту беседу он рад был отложить, хотя бы на некоторое время.

Явился Лорример и встал перед столом. Хоуарт достал из правого ящика личное дело Брэдли и сказал:

– Садитесь, пожалуйста. Это ежегодная аттестация Брэдли. Вы даете ему отрицательный отзыв. Вы его предупредили?

– Аттестационные правила требуют, чтобы я его предупредил, – ответил Лорример. – Я встретился с ним в Отделе в десять тридцать, как только вернулся с аутопсии.

⁸ Инсинератор – мусоросжигатель.

– Пожалуй, слишком сурово. Судя по его личному делу, это первый отрицательный отзыв за все время. Мы взяли его после испытательного срока полтора года назад. Почему теперь у него не получается?

– Я полагал бы, это должно быть ясно из моего весьма подробного отзыва. Его повысили в должности без учета его реальных возможностей.

– Другими словами, Совет директоров совершил ошибку?

– Не вижу в этом ничего необычного. Директора часто ошибаются. И не только в вопросах, касающихся повышения в должности.

Намек был достаточно грубым, по сути – прямой провокацией. Но Хоуарт решил пропустить это мимо ушей. Сделав над собой усилие, он произнес совершенно спокойно:

– Я не готов подтвердить этот отзыв в его теперешнем виде. Слишком мало времени прошло, чтобы вынести справедливое суждение.

– В прошлом году я и сам именно этим объяснял его неудачи. Тогда он проработал у нас всего полгода. Но если вы не согласны с моей оценкой, вы можете изложить свое мнение письменно. Там специально место оставлено.

– Я непременно им воспользуюсь. И я хотел бы посоветовать вам проверить, не смогут ли поддержка и ободрение возыметь больший эффект. Обычно неудачи в работе объясняются двумя причинами. Некоторые люди начинают работать более успешно, когда их подгоняют продуманными упреками. Другие же на это не способны. Подгонять их совершенно бессмысленно, это лишает их всяческой уверенности. Вы руководите успешно работающим Отделом. Но вполне вероятно, ваш Отдел мог бы работать более успешно и даже с большим удовольствием, если бы вы попытались лучше понять ваших людей. Руководство в значительной степени зависит от личных взаимоотношений.

Он заставил себя поднять глаза. Лорример процедил сквозь стиснутые зубы, так, что, казалось, его слова со скрипом продирались сквозь преграду:

– Что-то незаметно, чтобы ваше семейство отличалось большими успехами в личных взаимоотношениях.

– Тот факт, что вы не способны воспринимать критику и, как невротическая девица, сразу переходите на личности, стараясь уязвить побольнее, как раз и подтверждает то, о чем я говорил.

Он так и не узнал, что Лорример собирался ему ответить. Дверь кабинета отворилась, и вошла его сестра. Она была в брюках и короткой дубленке, белокурые волосы прикрывал легкий шарф. Взглянув на обоих без малейшего смущения, она легким тоном произнесла:

– Простите, я не знала, что вы заняты. Надо было просто попросить инспектора Блейклока позвонить.

Побелев и не сказав ни слова, Лорример повернулся на каблуках и поспешно вышел из комнаты.

– Прости, если я чему-то тут помешала. Я только хотела сказать, что еду на пару часов в Норидж за материалами. Тебе что-нибудь купить?

– Спасибо, нет.

– Я вернусь к обеду, но, пожалуй, не пойду на деревенский концерт. Клэр Истербрук не будет, а без ее участия они Моцарта непереносимо искалечат. Да, и еще – я предполагаю пробыть в Лондоне следующую неделю, почти всю целиком.

Брат молчал. Взглянув на него, она сказала:

– Что-нибудь не так?

– Откуда Лорримеру известно про Джину?

Ему не нужно было спрашивать, не она ли рассказала Лорримеру про Джину. Она могла доверить любовнику многое, но только не это.

Доменика отошла к камину – будто бы рассмотреть картину Стэнли Спенсера⁹ на каминной полке, и спросила:

– Он что, неужели упоминал про ваш развод?

– Не прямо. Но намек был более чем прозрачен.

Она обернулась и взглянула ему прямо в глаза:

– Скорее всего он постарался разузнать о тебе все подробности, когда выяснил, что тебя прочат на это место. В конце концов, ваше ведомство не такое уж большое.

– Но я пришел сюда не из этого ведомства.

– Даже если и так, существуют какие-то связи, сплетни... Неудачный брак – один из тех малозначащих пустячков, про которые так легко пронюхать. Ну и что из того? В конце концов, в этом нет ничего необычного. Мне казалось, что судебные медики как раз больше всего и рискуют в этом плане. Все эти часы, даже ночи, на месте преступления, непредсказуемые вызовы в суд. Они-то должны бы привыкнуть к распадающимся семьям.

Хоуарт сказал, понимая, что ведет себя, как капризный ребенок:

– Не желаю, чтобы он в моей Лаборатории работал.

– В твоей Лаборатории? Но дело обстоит вовсе не так просто, не правда ли? Мне думается, этот Стэнли Спенсер плохо смотрится здесь, над камином. Выглядит совершенно неуместно. Поразительно, как это отец купил его? Я бы сказала, эта картина вовсе не в его вкусе. Ты ее здесь поставил, чтобы шокировать сотрудников?

Чудесным образом его гнев и обида испарились. Но ведь ей всегда удавалось действовать на него именно так – успокоить, утешить.

– Да нет. Всего лишь чтобы привести их в замешательство. Я надеялся, она заставит их думать, что я не так однозначен, как они предполагают.

– Но ты и в самом деле неоднозначен. И мне не надо видеть «Успение в Кукэме», чтобы убедиться в этом. Почему ты не взял сюда Греза?¹⁰ Он прекрасно смотрелся бы на этом резном мраморе.

– Слишком он сладкий.

Она рассмеялась и исчезла. Хоуарт взял отзыв о Брэдли и в свободной графе написал:

«Работа мистера Брэдли действительно не вполне удовлетворительна, но не все возникшие затруднения следует отнести на его счет. Ему недостает уверенности, и было бы полезнее, если бы его более активно поддерживали и поощряли. Я исправил заключительную оценку его деятельности на более справедливую и побеседовал с руководителем Отдела биологических исследований о проблемах взаимоотношений с сотрудниками».

Если в конце концов он решит, что работа в Лаборатории ему не подходит, это ехидное замечание в какой-то мере поможет – после его ухода – лишить Лорримера шансов на директорский пост.

⁹ Спенсер, Стэнли (1891–1959) – английский художник, символист и примитивист.

¹⁰ Грез, Жан-Батист (1725–1805) – французский художник. Наиболее известная его картина – «Отец читает Библию детям».

Глава 9

Ровно в час сорок пять Пол Миддлмасс, глава Отдела по исследованию документов, раскрыл папку с делом об убийстве в меловом карьере. Комната, где размещался отдел, занимала всю фасадную часть здания под самой крышей, и пахло здесь как в писчебумажном магазине – бумагой и чернилами. К этой и так достаточно острой смеси запахов добавлялся еще и резкий запах химикалий. Для Миддлмасса атмосфера отдела была словно воздух родных полей и лесов. Высокий и поджарый, с широким ртом и крупными чертами подвижного лица, он был привлекательно некрасив. Густые пряди седых, серо-стальных волос оттеняли желтовато-пергаментную кожу лба. Добродушный и покладистый, вроде бы даже с ленцой, он на самом деле был неутомимым работником, влюбленным в свое дело. Бумага – во всех своих ипостасях – была его истинной страстью. Мало кто из судебных экспертов в их ведомстве и за его пределами знал о бумаге столько же, сколько было известно ему. Каждую бумажку он брал в руки радостно и с каким-то особым почтением, с вожделением на нее глядя, и чуть ли не по запаху мог определить ее происхождение. Спектрографическое и рентгено-кристаллографическое определение состава клеев и примесей обычно только подтверждало то, что – лишь рассмотрев и пощупав документ – говорил Миддлмасс. Удовлетворение, которое он чувствовал, наблюдая, как постепенно проступает в рентгеновских лучах до тех пор незаметный водяной знак, никогда не ослабевало, а полученный цельный рисунок, хоть и не был неожиданным, так же очаровывал его взгляд, как ожидаемая подпись мастера – взгляд собирателя фарфора.

Отец Пола, давно умерший, был зубным врачом, и Пол для собственных нужд использовал неисчерпаемый запас сшитых по отцовскому особому проекту врачебных халатов. Старомодного покроя, приталенные, с расклешенными полами, как камзолы щеголей эпохи Регентства, они застегивались не посередине, а ближе к боку, и металлические, с гербами, пуговицы шли до самого горла. Рукава оказались коротки, и худые руки торчали из них, как у выросшего из своей одежды школьника. Но Миддлмасс носил эти халаты даже с некоторым шиком, словно эта неортодоксальная одежда, столь отличная от обычных белых халатов остальных сотрудников Лаборатории, символизировала уникальное сочетание научной компетентности, опыта и чутья, которое только и отличает хорошего исследователя документов.

Миддлмасс только что закончил разговор по телефону с женой: с некоторым запозданием он вспомнил, что в этот вечер обещал помочь в проведении деревенского концерта. Он любил женщин, и до женитьбы у него было несколько вполне обычных романов – без особой страсти, без неудовольствия и без обязательств. Женился он поздно, на полногрудой и миловидной женщине – научной сотруднице из Кембриджа. Она была двадцатью годами моложе и каждый вечер, ведя «ягуар» мужа, возвращалась с работы довольно поздно, однако не так поздно, чтобы муж не смог отправиться с нею в местный паб. Квартира их в пригороде была современной и модной, а «ягуар» – главной роскошью, которую Пол смог себе позволить. У него было прочное положение, высокая репутация в международных научных кругах и красивая жена – Софи, которая вполне его удовлетворяла. Так что он мог считать, что жизнь удалась, и подозревал даже, что счастлив.

Лаборатория по исследованию документов, с ее шкафами и набором монорельсовых камер, занимала, как полагали некоторые коллеги и более всех – Эдвин Лорример, гораздо больше места в помещении, чем следовало. Но вентиляция в Лаборатории, освещенной рядами ламп дневного света, была плохая, потолки – низкие, а центральное отопление, весьма ненадежное и в самые лучшие времена, в этот день сосредоточило все свои усилия на верхнем этаже здания. Обычно Миддлмасс не замечал, в каких условиях работает, но эту субтропическую жару игнорировать было трудно. Он раскрыл дверь в коридор. Напротив

двери, чуть правее, находились туалеты – мужской и женский, и время от времени он слышал шаги сотрудников, то легкие, то тяжелые, торопливые или медлительные, и скрип то одной, то другой двери. Эти звуки совсем ему не мешали: он работал.

Однако экземпляр, который он теперь разглядывал, не содержал в себе ничего таинственного. Если бы это было не убийство, а какое-либо другое преступление, Миддлмасс оставил бы листок ассистенту научного сотрудника: тот еще не вернулся с запоздалого ленча. Но убийство всегда подразумевало необходимость явки в суд для дачи свидетельских показаний и перекрестный допрос: защита редко принимала на веру научные доказательства, когда подсудимому предъявлялось самое тяжкое из обвинений. Выступление в суде было строжайшим публичным испытанием для Отдела по исследованию документов, да и для всей Лаборатории Хоггата вообще. Пол считал принципиально важным брать на себя дела об убийстве. Правда, они редко бывали самыми интересными. Более всего удовольствия ему доставляли исторические изыскания, когда удавалось – как это случилось совсем недавно, в прошлом месяце, – продемонстрировать, что документ, датированный 1872 годом, был написан на бумаге, содержащей древесную массу, впервые использовавшуюся в 1874-м. Это открытие повлекло за собой увлекательнейшее распутывание весьма запутанной истории с подделкой документов. Теперешняя его задача была несложной и малоинтересной. И тем не менее всего несколько лет назад от него зависело, отправят человека на виселицу или нет. Он редко вспоминал о тех пяти-шести преступниках, которых повесили за двадцать лет его работы в качестве судебного эксперта, и главным образом из-за его свидетельских показаний. А когда вспоминал, то вовсе не напряженные и странно безмянные фигуры на скамье подсудимых, но бумагу и чернила, утолщение сбегаящих ниже строки слов, особую форму той или иной буквы. Сейчас он разгладил на столе перед собой записку, найденную в сумочке убитой. С обеих сторон листка он положил образцы почерка ее мужа, которые удалось раздобыть полицейским: письмо подозреваемого к матери, написанное во время отпуска в Саутенде, – интересно, как это им удалось выудить у нее это письмо? – и краткая запись телефонного сообщения о футбольном матче. Записка из сумочки убитой была еще короче:

«У тебя свой парень имеется, так что руки прочь от Барри Тэйлора, не то пожалеешь.

Жалко испортить такую приятную мордашку.

Кислота страшная вещь. Так что смотри.

Доброжелатель».

Стиль, заключил он, из последнего телевизионного фильма ужасов, почерк явно изменен. Возможно, полицейские сумеют предоставить ему еще несколько образцов почерка подозреваемого, когда побывают у парня на работе. Но на самом деле они ему уже не понадобятся. Сходство между запиской с угрозами и имеющимися образцами не подлежит сомнению. Писавший попытался изменить наклон почерка и иначе изобразил строчное «р». Но отрыв ручки от бумаги – регулярно через каждые четыре знака (Миддлмасс никогда не встречал среди тех, кто пытался изменить свой почерк, человека, который обратил бы внимание на то, как часто он отрывает перо от бумаги), и точки – чуть выше строки и чуть дальше, чем обычно от последней буквы, и жирные запятые – все равно что фирменный знак. Он делает анализ писчей бумаги, сфотографирует и увеличит каждую букву в отдельности, затем нанесет их на сопоставительную карту, и присяжные с серьезным видом станут передавать карту из рук в руки и удивляться, зачем было приглашать высокооплачиваемого эксперта давать пояснения, когда всем и каждому это очевидно с первого взгляда.

Зазвонил телефон. Миддлмасс потянулся за трубкой и поднес ее к левому уху. Голос Сюзан Брэдли, сначала застенчивый и извиняющийся, потом заговорщический и, наконец,

чуть не плачущий, пропищал ему в ухо долгий, отчаянный, полный жалоб монолог. Пол слушал, отведя трубку на пару сантиметров от уха и время от времени бормоча что-то неразборчивое, но ободряющее. А тем временем мысленно отмечал, что писавший записку – вот паршивец! – даже не позаботился изменить написание строчного «т» с характерной верхней переладиной. Впрочем, это ему все равно не помогло бы. И он, разумеется, не подозревал, бедняга, что эта его записка станет вещественным доказательством, когда его будут судить за убийство.

– Хорошо, – сказал он. – Перестаньте волноваться. Оставьте все это дело мне.

– Но вы ему не скажете, что я звонила?

– Разумеется, нет, Сюзан. Успокойтесь. Я все улажу.

Голос в трубке продолжал пищать:

– Да скажите вы ему, ради Бога, чтобы не валял дурака. Он что, не знает, что у нас полтора миллиона безработных? Лорример не может его уволить. Скажите Клиффорду, чтобы держался за эту работу и перестал вести себя, как последний идиот. А я разберусь с Лорримером.

Он повесил трубку. Сюзан Моффат ему нравилась, когда работала у него научным сотрудником два года назад. Она была в сто раз умнее и решительнее, чем ее муж, и Миддлмасс – правда, без особого огорчения – удивлялся, как это ее угораздило выйти замуж за Брэдли. Из жалости скорее всего. Слишком развит материнский инстинкт. Есть женщины, которые чувствуют себя просто обязанными согреть несчастненьких у своей груди – буквально. А может, просто выбора не было. И нужен был свой очаг, семья, ребенок. Ну, теперь уже поздно отговаривать ее от этого брака, а тогда ему такое и в голову не пришло. По крайней мере теперь у нее есть и дом, и ребенок. Недели две назад она приходила к нему в Лабораторию с ребятенком. Визит этого вопящего существа со сморщенным личиком, туго завернутого в одеяло, не смог поколебать его в решении никогда не иметь детей, но сама Сюзан, несомненно, выглядела вполне счастливой. И снова почувствует себя счастливой, если удастся что-нибудь сделать с Лорримером.

Он считал, что с Лорримером и вправду пора уже что-то сделать. И в конце концов, у него самого была личная причина взяться за это. Совсем небольшой личный должок, который до сих пор не очень-то теребил его совесть, или как это там называется. Но звонок Сюзан Брэдли напомнил ему об этом. Он прислушался. Шаги в коридоре показались ему знакомыми. Ну что ж, всего лишь совпадение, но лучше не откладывать дела в долгий ящик. Подойдя к дверям, он крикнул вслед удаляющейся спине:

– Лорример! Мне надо сказать вам пару слов.

Лорример подошел и остановился в дверях – высокий, не улыбочивый, в безупречно белом халате, застегнутом на все пуговицы. Смотрел на Миддлмасса настороженным взглядом темных глаз. Миддлмасс заставил себя взглянуть в эти глаза, но не выдержал, отвел взгляд: их радужки, казалось, расширились, превратившись в черные омуты отчаяния. Пол понимал – не в его силах сладить с таким эмоциональным напряжением и несколько растерялся. Что же такое гложет беднягу? Стараясь, чтобы его голос звучал как обычно, он сказал:

– Послушайте, Лорример, оставьте-ка в покое Брэдли, ладно? Я понимаю, он вовсе не Божий дар для нашей профессии, но он добросовестный трудяга, и бесконечные выволочки, которые вы ему устраиваете, не помогут этому слабаку лучше соображать и быстрее работать. Так что кончайте это дело.

– Вы что, собираетесь учить меня, как руководить моими подчиненными?

Лорример не повысил голоса, но жилка у него на виске вздулась, и видно было, как бьется пульс. Миддлмасс с трудом заставил себя не смотреть на эту жилку.

– Верно, дружище. По крайней мере этим подчиненным. Я, черт побери, прекрасно вижу, чего вы добиваетесь, и мне это не по душе. Так что завязывайте.

– Это что – угроза?

– Скорее, дружеское предостережение. Ну, я бы сказал – довольно дружеское. Не стану делать вид, что очень к вам расположен, и не стал бы работать под вашим началом, если бы тупари из Министерства внутренних дел назначили вас директором нашей Лаборатории. Но я признаю, что в принципе дела вашего Отдела меня не касаются. Только этот случай – исключение. Я знаю, что происходит, мне это не нравится, и я намереваюсь положить этому конец.

– Мне и в голову не могло прийти, что вы испытываете такую нежную привязанность к Брэдли. Впрочем, наверняка это Сюзан Брэдли вам звонила. У самого-то кишка тонка попросить за себя. Ну что же, звонила она вам, Миддлмасс?

Миддлмасс пропустил вопрос мимо ушей.

– Никакой нежной привязанности к Брэдли я не испытываю, – сказал он. – Но я испытывал некоторую привязанность к Питеру Энналзу, если вы можете его припомнить.

– Энналз утопился потому, что его невеста дала ему от ворот поворот, и у него произошел психический срыв. Он оставил записку, объяснив свое решение, и она была зачитана во время расследования. И то и другое события произошли много месяцев спустя после его ухода из Южной лаборатории; ни то ни другое не имеют ко мне ни малейшего отношения.

– Зато то, что происходило в Лаборатории, когда он там работал, имеет чертовски прямое отношение к вам. Он был приятным, ничем не выдающимся парнишкой, имел два аттестата повышенного уровня и необъяснимое стремление специализироваться по судебной биологии. Вот тут ему не повезло – он попал под ваше начало. Между прочим, Энналз – двоюродный брат моей жены. Так случилось, что я рекомендовал ему пойти на это место. Так что у меня к этому делу особый интерес, если хотите – я считаю себя в некотором роде ответственным.

– Он никогда не упоминал, что он родственник вашей жены, – сказал Лорример. – Но я не вижу разницы. Он был совершенно непригоден к работе. Судебный биолог, не способный аккуратно работать, когда на него давят, совершенно бесполезен и для меня, и для нашего ведомства; ему лучше уйти. Иждивенцам у нас нет места. Именно это я и думаю сказать Брэдли.

– Тогда вам лучше передумать.

– Интересно, как вы сможете меня заставить?

Было совершенно непонятно, как эти плотно сжатые губы могли издавать хоть какие-то звуки, как высокий, изменившийся голос Лорримера прорывается сквозь напряженные голосовые связки, не порвав их.

– Я доведу до сведения Хоурта, что вы и я не можем долее работать в одной Лаборатории. Вряд ли это ему очень понравится. Разлад между сотрудниками высшего звена ему совершенно не нужен. Особенно сейчас. Он, разумеется, предложит Организационному отделу перевести одного из нас, прежде чем ситуация осложнится переездом в новое здание. Держу пари, что Хоурт – да и Орготдел, кстати говоря, – решат, что гораздо легче найти судебного биолога, чем исследователя документов.

Миддлмасс поражался самому себе. Он вовсе не собирался произносить весь этот вздор, тем более что до сих пор такое ему и в голову не приходило. Впрочем, все это звучало довольно резонно. В их ведомстве не было ни одного исследователя документов его калибра, и Хоурт прекрасно об этом знал. Если Пол откажется работать в той же Лаборатории, что Лорример, одному из них придется уйти. Ссора никак не повысит их репутацию в Орготделе, но ведь вполне очевидно, кому из них это будет больше во вред.

– Это вы поспособствовали, чтобы я не получил место директора, – сказал Лорример. – А теперь вы хотите меня вообще выжить из Лаборатории.

– Мне лично совершенно наплевать, тут вы работаете или где-то в другом месте. Только перестаньте терроризировать Брэдли.

– Если бы я и был готов следовать чужим советам в том, как руководить моим Отделом, то уж никак не советам третьеразрядного любителя бумажонок с второразрядной ученой степенью, да к тому же не знающего разницы между научными доказательствами и жалкой интуицией.

Эта колкость была настолько абсурдной, что никак не могла уязвить Миддлмасса: его уверенность в собственной компетентности была слишком прочна. Но промолчать в ответ на это было невозможно. Пол обнаружил, что начинает выходить из себя. И вдруг его осенило.

– Послушайте, приятель, если у вас ничего не выходит в постели и дама находит, что вы – не вполне, не вымещайте свои неудачи на ваших коллегах. Вспомните, что говорил Честерфилд:¹¹ «Расходы невероятны, позы нелепы, а удовольствие недолговечно».

Результат поразил его до глубины души. Лорример, не сумев подавить вскрик, бросился на него с кулаками. Реакция Миддлмасса была совершенно инстинктивной и в то же время вполне его удовлетворившей: он выбросил вперед правую руку и нанес Лорримеру удар по носу. На мгновение воцарилась тишина. Оба удивленно созерцали друг друга. Затем из носа брызнула кровь, Лорример пошатнулся и стал падать вперед. Миддлмасс подхватил его за плечи, и Лорример тяжело уронил голову ему на грудь. Господи, подумал Миддлмасс, только бы он в обморок не упал! Им овладела путаница чувств: он поражался самому себе, был по-мальчишески собой доволен, испытывал жалость к Лорримеру и непреодолимое желание рассмеяться.

– Ну, как вы, нормально? – спросил он.

Лорример высвободился из его рук и встал прямо. Нашупал в кармане платок и поднес к носу. Красное пятно разрасталось. Глянув вниз, Миддлмасс обнаружил, что халат его в крови. Пятно расплывалось на белой ткани, словно алый декоративный цветок.

– Раз уж мы тут устроили балаган, – сказал он, – я полагаю, ваша реплика теперь должна быть: «Ах ты, свинья такая, клянусь Богом, ты мне за это заплатишь!»

Его поразил неожиданный всплеск ненависти в черных глазах. Голос Лорримера, едва слышный сквозь платок, донесся до его слуха:

– Вы мне за это заплатите.

Лорример ушел.

Тут Миддлмасс заметил, что в дверях стоит миссис Бидуэлл, лабораторная уборщица. Глаза ее за нелепыми, раскосо удлинненными очками в украшенной блестящими камушками оправе расширились от волнения и любопытства.

– Ну уж, я просто не знаю! Чего это вы тут устроили? Начальство, а деретесь между собой! И как только не стыдно вам, а?

– Да стыдно нам, стыдно, миссис Бидуэлл. – Миддлмасс медленно выпростал длинные руки из рукавов халата и вручил его уборщице. – Бросьте это в корзину с грязной спецодеждой, будьте добры.

– Да вы же знаете очень даже хорошо, мистер Миддлмасс, я не захожу в мужской туалет – не в рабочее же время мне туда заходить! Сами в корзину положите. А ежели вам чистый халат понадобится, вы знаете, где его взять. А я до завтра чистых халатов больше не выдаю. Подрались, надо же! Мне надо было заранее догадаться, что мистер Лорример в это дело замешается. Ну только он ведь не из тех, кто на кулачки будет биться. Кишка тонка, вот что я вам скажу. Ну, правда, в последнее-то время он очень странный ходит, тут и вопроса нет. Вы небось слыхали про вчерашнюю неприятность внизу, в вистибуле? Он прям-таки вышвырнул детишек док Керрисона за дверь. А им всего и надо-то было, что отца

¹¹ Честерфилд, Филипп Дормер Стенхон (1694–1773), граф – английский писатель и государственный деятель.

дождаться. И ничего в этом нет плохого. Очень у нас атмосфера в Лаборатории плохая, вот что я вам скажу. Все последнее время. И если кое-кто из сотрудников в руки себя не возьмет, какая-нибудь пакость обязательно тут приключится, попомните мои слова.

Глава 10

Было почти пять часов и уже темно, когда детектив-инспектор Дойл добрался домой. Он жил в деревне, в шести километрах к северу от Кембриджа. Он пару раз за день пытался дозвониться жене, но безрезультатно: телефон был занят. Опять это ее бесконечное и дорогостоящее секретничанье по телефону с подружками тех времен, когда она работала медсестрой, подумал он, довольный, что можно больше не звонить. Кованые железные ворота были, как всегда, распахнуты, и Дойл поставил машину перед домом. Не стоило заводить машину в гараж на пару часов, а дольше пробыть дома он не мог себе позволить.

Дом его – Скуп-хаус – не очень-то хорошо смотрелся в этот темный ноябрьский вечер. Неудивительно, что агенты по продаже недвижимости в последнее время никого не присылали посмотреть дом. Время года было неудачное. И сам дом, думал инспектор, мог бы служить памятником неудачного расчета. Он купил его меньше чем за семнадцать тысяч, но истратил еще пять на улучшения, надеясь продать по меньшей мере за сорок. Но это было еще до того, как спад поломал расчеты гораздо более опытных торговцев недвижимостью, чем он сам. Сейчас, когда дела на рынке недвижимости шли туговато, ничего не оставалось, как ждать. Он вполне мог потянуть с домом, пока дела на рынке не улучшатся. Однако он вовсе не был уверен, что ему удастся еще потянуть с разводом. Не было даже уверенности, что он этого хочет. С браком тоже вышел просчет, но – если учесть тогдашние обстоятельства – вполне понятный. Доил не тратил времени на напрасные сожаления.

Два высоких прямоугольника света, льющего из окна верхней гостиной, должны были бы сулить желанное тепло и домашний уют. Вместо этого свет таил в себе некоторую угрозу: Морин была дома. Но куда же еще, спросила бы она, могла она деваться в этот тоскливый ноябрьский вечер? Куда пойти в этой захолустной деревушке, в этой сумрачной Восточной Англии?

Морин уже покончила с чаем, но поднос все еще стоял рядом с ней: бутылка из-под молока с вмятой внутрь крышкой, кружка, ломти резаного хлеба, вылезающие из обертки, брусок масла в грязной масленке и магазинный фруктовый пирог в нераскрытой коробке. Дойл почувствовал, как его охватывает привычное раздражение, но не произнес ни слова. Как-то раз, когда он упрекнул ее в неопрятности, она лишь пожала плечами:

– Да кто это видит? Кого это заботит?

Он это видел, и его это заботило, но прошло уже много месяцев с тех пор, когда она принимала его в расчет.

– Я собираюсь пару часиков вздремнуть. Разбуди меня в семь, ладно?

– Ты что, хочешь сказать, что мы не поедем в Чевишем на концерт?

– Господи, Морин, ты же вчера вопила, что тебе до лампочки эти концерты! Детская самодеятельность. Забыла?

– Конечно, это вовсе не сенсация года, но мы по крайней мере могли бы куда-то выйти. Выйти прочь отсюда. Прочь из этой помойки. Вдвоем – ради разнообразия! Можно было бы одеться как следует. И ты говорил, мы потом поедем в китайский ресторан в Или.

– Ну, прости. Я же не знал, что мне поручат убийство расследовать.

– И когда же ты вернешься? Или и спрашивать бессмысленно?

– А Бог его знает. Я должен заехать за сержантом Бийлом. Надо еще парочку людей повидать, которые в Маддингтоне на танцах были. Особенно того парня, Барри Тэйлора, – ему придется кое-что нам объяснить. В зависимости от того, что он скажет, мне может понадобиться снова заехать к мужу.

– Это доставит тебе такое удовольствие, верно? Если заставишь его кровавым потом облиться. Ты ведь поэтому и в полицейские пошел – тебе нравится, что люди тебя боятся, не так, что ли?

– Ну, знаешь, это так же глупо, как заявить, что ты пошла в медсестры, потому что обожаешь горшки выносить.

Он бросился в кресло и прикрыл глаза, отдаваясь во власть дремы. Снова увидел перепуганную физиономию того парня, почувствовал запах пота. Но парень прекрасно выдержал первый допрос. Адвокат, который на нем присутствовал, больше мешал, чем помогал клиенту, которого видел впервые в жизни, и недвусмысленно давал понять, что вообще предпочел бы его никогда больше не видеть. Парень твердо придерживался своей версии, что они, мол, поссорились на танцах и он рано ушел. Что она не вернулась домой к часу ночи. Что он отправился ее искать и прошел по дороге и через меловое поле. Домой вернулся примерно через полчаса. Он никого не видел и не подходил ни к меловому карьеру, ни к брошенной машине.

Версия была отличная: простая, без лишних подробностей и, возможно, правдивая во всем, кроме одной важной детали. Но, если им повезет, заключение экспертов о ее крови и о пятне на его рукаве, крохотные остатки песчаной почвы и пыли из машины на его ботинках, будет готово к пятнице. Если Лорример останется в Лаборатории допоздна – а так оно обычно и бывает, – анализ крови можно будет получить уже завтра. Вот тогда-то и возникнут подробности, несоответствия и в конце концов истина.

Морин спросила:

– Кто еще был на месте убийства?

Она даже не сочла за труд спросить о чем-то, подумал Дойл. Это уже кое-что. Он ответил сонно:

– Лорример, кто же еще? Этот никогда не упустит такой возможности. Не доверяет. По-моему, просто он считает, что никто из нас не знает своего дела. Ну и, как обычно, имели полчаса простоя – ждали, пока док Керрисон подъедет. Лорример прямо с ума сходил от злости. Он сделал все, что полагается на месте убийства; ну, во всяком случае, все, что можно сделать, и должен теперь свой зад морозить вместе со всеми, поджидая, пока этот гений патанатомии прибудет с полицейским эскортом и сообщит нам новость, что-то, что мы сочли трупом, действительно – вот сюрприз, так сюрприз! – является трупом и мы можем спокойно увозить мертвое тело.

– Ну, судебный патанатом делает не только это.

– Конечно. Но на месте преступления – не так уж много. Его работа начинается потом. – И Дойл добавил: – Извини, я не мог позвонить. Я пытался, но у тебя было занято.

– Думаю, я как раз с папой разговаривала. Его предложение остается в силе: ты получишь место ответственного за безопасность в его Организации. Но долго он ждать не сможет. Если ты не решишь до конца месяца, он даст объявление в газеты.

«О Господи, неужели опять? Только не это!» – подумал он.

– Хорошо бы твой папочка не говорил об Организации. А то семейная корпорация начинает выглядеть, как мафия какая-нибудь. Если б речь шла о мафии, я, может, и соблазнился бы. Но у папочки всего-то три задрипанных дешевых магазина, продающих задрипанные дешевые костюмы задрипанным идиотам, которые не могут отличить приличное сукно от паршивого, даже если им это сукно под самый нос сунут. Может, я и подумал бы о том, чтобы войти в дело, если б милый папочка уже не взял в содиректоры старшего братца, который ждет не дождется его место занять, и если бы он не дал мне ясно понять, что терпит меня исключительно потому, что я твой муж. Но пусть меня черт заберет, если я соглашусь бездельничать там, как какой-нибудь сраный дежурный администратор, и следить, чтобы какой-

нибудь бродяга подштанники не спер, хоть мне и присвоят почетное звание ответственного за безопасность. Я остаюсь на своем месте.

– Ну да, ведь тут у тебя такие полезные связи.

Интересно, что она имеет в виду? Он был очень осторожен и никогда ничего ей не говорил. Но ведь она вовсе не дура. Могла и догадаться.

– Ведь тут у меня – моя работа, – сказал он. – Ты ведь знала, на что шла, когда согласилась за меня выйти.

Но ведь на самом деле никто этого знать не может, подумал он. Никогда.

– Не жди, что застанешь меня здесь, когда вернешься.

Это была хорошо и давно знакомая угроза. Он ответил небрежно:

– Как угодно. Но если ты надеялась на машине проехаться, оставь надежду. Я забираю «кортину» – у «рено» сцепление барахлит. Так что, если собираешься сбежать к мамочке, не дожидаясь завтрашнего утра, звони папуле – пусть отвезет, или такси возьми.

Морин снова говорила что-то, но ее голос, капризный и настойчивый, доносился откуда-то издалека, слова стали неразборчивыми, превратившись в бессмысленные наплывы звуков, словно волны, бьющие в мозг. Два часа. Если она его и не станет будить, он все равно проснется точно, минута в минуту. Веки его сомкнулись. Он спал.

Книга вторая

Смерть в белом халате

Глава 1

В восемь сорок пять утра в вестибюле Лаборатории Хоггата было очень спокойно и тихо. Бренда нередко думала, что именно эта часть рабочего дня нравится ей больше всего. Это было время, когда сотрудники еще не явились на свои места, занятия в Лаборатории еще по-настоящему не начались, и они с инспектором Блейклом могли работать в пустом зале, тихом и торжественном, словно храм, подготавливая папки из плотной бумаги для регистрации новых дел, поступающих в течение дня, заново упаковывая вещественные доказательства, за которыми должны приехать полицейские. Они еще раз сверяли подготовленные для суда заключения, чтобы убедиться, что исследование проведено полностью, что ни одна необходимая деталь не упущена. Как только Бренда приходила сюда, она облачалась в белый халат и тотчас же начинала чувствовать себя иначе: она больше не была молоденькой, не уверенной в себе девушкой, она становилась человеком с профессией, чуть ли не женщиной-ученым, признанным сотрудником Лаборатории. Потом она шла в глубь дома, на кухню, приготовить чай. После того как облачение в белый халат придавало ей столько достоинства, эта домашняя обязанность на некоторое время спускала ее с небес на землю, да и чаю ей, после недавнего завтрака, не хотелось. Но инспектор Блейклок, ежедневно приезжавший на машине из Или, охотно выпивал чашечку, и она с удовольствием готовила чай для него.

– Самое оно для служивого, – неизменно приговаривал он, снова и снова поднося кружку к увлажнившимся губам и жадно глотая обжигающий напиток, словно горло у него выложено асбестом. – Ну и хорош у тебя чаек, Бренда, ничего не скажешь.

А Бренда неизменно объясняла:

– Мама говорит, весь секрет в том, чтоб чайник заварной как следует нагреть. А потом чай настаивать не больше пяти минут.

Этот коротенький ритуал никогда не менялся, настолько, что она могла наизусть, безмолвно шевеля губами, повторять слова инспектора, едва не фыркая от смеха. Знакомый, такой домашний аромат крепкого чая, греющее ладони тепло толстостенной кружки – от всего этого в начале рабочего дня рождались спокойствие и уверенность.

Бренде очень нравился инспектор Блейклок. Он говорил мало, но никогда не раздражался, был по-отцовски добр к ней, с ним ей было легко и просто. Даже мама – она побывала в Лаборатории перед тем, как Бренда приступила к работе, – радовалась, что дочь будет работать именно с ним. До сих пор у Бренды горели от стыда щеки, когда она вспоминала, как мать настояла на том, что ей следует побывать в Лаборатории, посмотреть, где ее дочь собирается работать. Правда, главный полицейский инспектор Мартин, старший сотрудник по связям с полицией, по-видимому, счел это совершенно оправданным. Он объяснил маме, что должность секретаря-регистратора в Лаборатории Хоггата – нововведение, раньше на этом месте работал полицейский. Если Бренда будет хорошо работать в этой должности, полицейские смогут заниматься своими прямыми обязанностями, а девочка получит хорошую профессию. Главный инспектор Мартин сказал маме: «Регистратура – самое сердце Лаборатории». Сейчас, вместе с группой офицеров полиции, он отправился в поездку по Соединенным Штатам, и инспектор Блейклок остался целиком за главного, отвечая сразу за два участка работы: он не только принимал вещдоки, регистрировал выступления в суде и подготавливал статистические данные, но обсуждал каждое дело с инспектором-детекти-

вом, возглавлявшим очередное расследование, объясняя, что Лаборатория могла сделать, а что – вряд ли, и отказывался принимать те дела, в которых ученые ничем не могли помочь; а еще он проверял полноту окончательных заключений для суда. Бренда догадывалась, какая огромная ответственность на нем лежит, и решила, что никогда его не подведет.

Пока Бренда готовила чай, прибыли первые за день вещдоки: их, конечно, доставил полицейский детектив, занятый в расследовании. Еще один полиэтиленовый пакет с одеждой по делу об убийстве в меловом карьере. Крупные руки инспектора Блейклока аккуратно поворачивали пакет, и Бренда рассмотрела сквозь прозрачный пластик темно-синие брюки с не очень-то чистым поясом, полосатый пиджак с широкими лацканами и пару остроносых черных ботинок, украшенных вычурными пряжками. Инспектор Блейлок изучал составленную полицейскими опись.

– Это вещи ее дружка, – сказал он. – Того, с которым она на танцах кокетничала. Заведешь новую папку для описи, а вещи зарегистрируй по Биологическому отделу, под титулом «Маддингтон», и номер подгруппы поставь. Наклей красный ярлык «Срочно». Убийство имеет приоритет над всем остальным.

– Но у нас могут оказаться два или три дела об убийстве одновременно. Кто тогда про приоритет решает?

– Заведующий Отделом, в который это дело поступает. Он распределяет работу между своими подчиненными. После убийства или изнасилования приоритет имеют те дела, по которым обвиняемый не отпущен на поруки.

– Надеюсь, вы не очень на меня сердитесь, что я так много вопросов задаю? – спросила Бренда. – Мне так хочется про все узнать. Доктор Лорример говорит, я должна узнавать все про все, что только можно, а не смотреть на свою работу как на обычную рутину.

– Спрашивай, не стесняйся, девочка. Я вовсе не сержусь. Только не надо слишком прислушиваться к тому, что доктор Лорример говорит. Не он тут у нас директор, хоть он, может, и думает так про себя. Как регистрируешь эти тряпки, положи пакет на полку Биологического отдела.

Бренда аккуратно занесла порядковый номер пакета в журнал и продвинула упакованную в полиэтилен одежду на полку с вещдоками, ожидавшими отправки в лабораторию Биологического отдела. Очень важно было вовремя заносить все в регистрационный журнал. Она бросила взгляд на часы: почти восемь пятьдесят. Скоро доставят почту и вся конторка будет завалена пакетами с мягкой прокладкой, содержащими вчерашние анализы крови по делам о нарушениях в алкогольном опьянении и о дорожных происшествиях. Потом начнут подъезжать полицейские машины. Полицейские – в форме или в штатском – доставят большие конверты с документами для мистера Миддлмасса, исследователя документов; специально подготовленные Лабораторией контейнеры для хранения следов слюны, крови, спермы; громоздкие мешки с грязными, в пятнах простынями и одеялами; вездесущие тупые орудия; окровавленные ножи, тщательно упакованные в коробки, заклеенные липкой лентой.

И с минуты на минуту начнут появляться сотрудники Лаборатории. Уборщица, миссис Бидуэлл, должна была бы прийти уже двадцать минут назад. Может, она заразилась гриппом от Скоби? Первым из научных скорее всего явится Клиффорд Брэдли, старший научный Биологического отдела; побежит, съездившись, через зал, будто права никакого не имеет тут находиться, взгляд испуганный, и усы эти дурацкие, вислые какие-то; так всегда занят своими мыслями, что и на «здрасьте» едва ответит. Потом – мисс Фоули, секретарша директора. Всегда спокойная, сдержанная, всегда чуть улыбается – неизвестно чему. Мисс Фоули напоминала Мону Ригби, с которой Бренда училась в школе: Мону всегда выбирали на роль Святой Девы в рождественских спектаклях. Бренда недолюбливала Мону Ригби: если б только учителя знали про эту Ригби то, что знала о ней Бренда, Моне в жизни не получить бы эту завидную роль. Вот и мисс Фоули – Бренда вовсе не была уверена, что мисс Фоули ей так уж

нравится. Потом кто-то, кто ей очень нравится, – мистер Миддлмасс, исследователь документов: пиджак внакидку, наверх бежит – через три ступеньки перепрыгивает, а здороваётся – весь вестибюль звенит. После него уже идут все не по порядку – кто когда. Народу в зале – как на вокзале, а посреди всей этой кажущейся неразберихи, в самом ее сердце – сотрудники Регистрационного отдела: контролируют, направляют, помогают, объясняют...

Как бы подавая сигнал о начале рабочего дня, зазвонил телефон. Пальцы инспектора Блейклока обхватили трубку. Он молча слушал, что ему говорят, – значительно дольше, чем представлялось нормальным, потом до слуха Бренды донеслось:

– Нет, я не думаю, что он здесь, мистер Лорример. Вы говорите, он домой не возвращался?

И снова молчание. Инспектор Блейлок полуотвернулся от Бренды и заговорщически прижал трубку плечом, будто разговор был сугубо конфиденциальным. Потом положил трубку на конторку и повернулся к Бренде:

– Это отец доктора Лорримера. Очень старый. Волнуется. Как я понял, доктор Лорример сегодня утром не принес ему в комнату чай и, похоже, вообще дома не ночевал. Постель в его комнате не разобрана.

– Ну, здесь-то его точно нет. Я хочу сказать – ведь входная дверь была заперта, когда мы с вами пришли.

Сомневаться в этом не приходилось. Когда она, поставив велосипед в бывшей конюшне, появилась из-за угла дома, инспектор Блейлок стоял у входной двери. Впечатление было такое, что он ее поджидает. Потом, когда она к нему подошла, он осветил фонарем замки и поочередно вставил в скважины все три ключа: сначала отпер английский замок, потом – сейфовый, с цифровым набором, а потом тот, что отключает электронную систему сигнализации, соединенную с пультом полицейского участка в Гайз-Марше. Потом они вместе вошли в темный зал вестибюля. Бренда прошла в раздевалку в глубине здания – надеть белый халат, а Блейлок – в кабинет главного инспектора Мартина, к распределительному щиту – отключить систему охраны внутренних дверей основных лабораторных помещений.

Бренда, хихикнув, сказала:

– Вот – миссис Бидуэлл не явилась вовремя, чтоб уборку начать, теперь доктор Лорример пропал. Может, они вместе сбежали? Великий скандал у Хоггата!

Шутка получилась не очень смешная, и Бренда нисколько не удивилась, что инспектор Блейлок не засмеялся.

– Что дверь была заперта, еще ничего не значит, – сказал он. – У доктора Лорримера свои ключи есть. И если он свою постель убрать озаботился и сюда с утра пораньше явился, то почти наверняка запер тут все, как было, и внутреннюю сигнализацию включил.

– А как он тогда в Биологический отдел попадет?

– А он тогда должен дверь открыть и открытой ее оставить, пока сигнализацию опять не включит. Но только не похоже, чтоб он тут был. Он, когда тут один остается, только на английский замок дверь запирает.

Он снова поднес трубку к уху и сказал:

– Подождите немножко, мистер Лорример. Вряд ли он тут, но я схожу проверю.

– Я схожу, – вызвалась Бренда, радостно выказывая свою готовность быть полезной. Откидную доску конторки она поднимать не стала, просто пролезла под ней, и все. Повернувшись, она на мгновение увидела инспектора удивительно четко, словно при ярком свете фотовспышки: рот его был полуоткрыт, он протянул к ней руку напряженным и каким-то театральным жестом – желая то ли защитить ее, то ли остановить. Но Бренда, ничего в этот момент не сознавая, со смехом побежала вверх по широким ступеням. Биологический отдел находился в глубине второго этажа и вместе с прилегающей к нему Поисковой лабораторией тянулся почти во всю длину здания. Дверь была плотно закрыта. Бренда повернула ручку

и, толчком растворив дверь, стала нащупывать на стене выключатель. Наконец пальцы ее отыскали кнопку. Две длинные лампы дневного света, под самым потолком, мигнули, тускло засветились, разгораясь, потом залили комнату ровным, ярким сиянием.

Труп она увидела сразу же. Лорример лежал меж двумя центральными лабораторными столами лицом вниз, левая рука его, казалось, царапает пол, правая подогнута и смята тяжестью тела. Прямые ноги вытянуты. Из горла Бренды вырвался то ли крик, то ли стон, и она упала на колени рядом с трупом. Волосы над левым ухом Лорримера слиплись и торчали остроконечными зубцами, как шерсть у ее котенка после мытья, но крови на темных волосах было не разглядеть. И все-таки она знала – это кровь. Кровь уже запеклась черным на белом воротнике его халата, а на полу лаборатории, свернувшись, застыла лужицей. Виден был только один глаз – левый, недвижимый, погасший и закатившийся, как у мертвого теленка. Бренда осторожно коснулась щеки Лорримера. Холодная. Но она ведь сразу, как только увидела его остекленевший глаз, поняла – это смерть.

Бренда не помнила, как закрыла дверь лаборатории, как сбежала вниз по лестнице. Инспектор Блейклок по-прежнему стоял за конторкой, недвижимый, словно статуя, с зажатой в руке телефонной трубкой. Ей захотелось рассмеяться – таким забавным показалось ей его лицо. Она попыталась заговорить с ним, но слова застряли у нее в горле. Подбородок непрерывно дрожал, так, что стучали зубы. Ей удалось сделать какой-то жест. Он произнес что-то, чего она не разобрала, уронил трубку и бросился вверх по лестнице.

Бренда заплетающимися ногами добралась до тяжелого викторианского кресла у дверей кабинета главного инспектора Мартина. Это было любимое кресло полковника Хоггата. Полковник взирал на нее с портрета. Вдруг ей показалось, что его левый глаз разрастается, а рот растягивается в кривой ухмылке. Она почувствовала вдруг страшный холод. Сердце увеличилось до невероятных размеров и бухало в ребра. Она втягивала в себя воздух огромными глотками, но воздуха все равно не хватало. Потом до нее вдруг дошло, что из телефонной трубки доносятся какие-то звуки. Медленно и совершенно автоматически она поднялась с кресла, проковыляла к конторке и подняла трубку. Голос старого мистера Лорримера, слабый и очень сердитый, что-то ворчал на том конце провода. Бренда попыталась произнести привычное: «Лаборатория Хоггата. Регистрационный отдел слушает». Но слова не выговаривались. Она опустила трубку на рычаг и пошла назад, к креслу.

Она не помнила, как услышала долгий звонок у входа, как прошла через вестибюль – отпереть дверь. Неожиданно дверь резко распахнулась и зал заполнился множеством людей, шумом голосов. Свет, казалось, стал ярче – это было так странно, – и Бренда увидела всех этих людей ярко освещенными, словно актеры на сцене, с лицами, которые грим сделал подчеркнуто гротескными; каждое произнесенное ими слово слышалось четко и ясно, будто она сидела в первом ряду партера. Миссис Бидуэлл, уборщица, в макинтоше с воротником из искусственного меха, говорила высоким, громким голосом, возмущенно сверкая глазами:

– Шут его знает, что тут у нас делается! Какой-то обормот возьми да позвони моему старику и говорит, мол, мне сегодня приходиться не надо, что, мол, я миссис Шофилд занедобилась. Кто это дурака валяет, хотела бы я знать?

По лестнице спускался инспектор Блейклок, медленно, не торопясь: так происходит выход главного героя. Все остальные стояли кружком, глядя вверх, на приближающуюся к ним фигуру, – доктор Хоуарт, Клиффорд Брэдли, мисс Фоули, миссис Бидуэлл. Директор выступил вперед. Вид у него был такой, словно он вот-вот упадет без сознания.

– Ну, Блейклок? – произнес он.

– Доктор Лорример, сэр. Умер. Убит.

Разумеется, они не могли, поворачиваясь лицами друг к другу, словно хор в греческой трагедии, все в унисон повторять и повторять это слово. Но оно эхом прозвучало в гулкой тишине вестибюля, утрачивая смысл, обращаясь в глухой стон: «Убит. Убит. Убит».

Брэнда увидела, как бросился к лестнице доктор Хоуарт. Инспектор Блейклок повернулся – пойти за ним, но директор сказал:

– Нет. Вы оставайтесь здесь. Проследите, чтобы никто не вышел за пределы этого зала. Позвоните главному констеблю и доктору Керрисону. Потом свяжете меня с Министерством внутренних дел.

Тут, впервые за все время, все заметили Бренду. Миссис Бидуэлл подошла к креслу. Спросила:

– Так это ты его нашла? Ах ты бедняжечка моя!

И все: теперь это уже не было театральным представлением. Свет как бы угас. Лица утратили яркость, расплылись, стали вполне обычными. Бренда негромко охнула. Почувствовала, как руки миссис Бидуэлл обнимают ее за плечи. Запах макинтоша забивал ноздри. Мех был мягким, как лапки ее котенка. И тут Бренда смогла наконец-то заплакать.

Глава 2

Доктор Чарлз Фриборн, главный контролер учреждений судебной медицины, лежал в лондонском учебном госпитале, у самой реки, откуда в самые мазохистские свои моменты он мог смотреть на окно собственного кабинета. Он лежал на узкой больничной койке совершенно неподвижно, вытянувшись во весь свой немалый – под два метра – рост, аккуратно укрытый простыней, над которой высоко торчал его крупный нос; совершенно седые волосы почти сливались с такой же белоснежной подушкой. Кровать была ему коротка, но к этому неудобству он давно приспособился, осторожно выставляя ступни над ее невысокой спинкой. Прикроватная тумбочка была набита самыми разнообразными приношениями, вещами необходимыми, не очень необходимыми и кое-какими отступлениями от правил, без которых, как было принято считать, невозможно обойтись во время краткого пребывания в госпитале. Тут же стояла и ваза с розами, которые выглядели весьма официально: они не пахли, но были невероятно яркими, и за их неестественными, какими-то похоронно-пышными головками командер¹² Адам Дэлглиш разглядел лицо столь неподвижное, взгляд так недвижимо устремленный в потолок, что на мгновение он испугался: ему показалось – он пришел отдать последний долг усопшему. Напомнив себе, что Фриборн выздоравливает после вполне успешной операции, да к тому же по не самому серьезному поводу – у него находили варикозное расширение вен, – Дэлглиш подошел к кровати и тихонько сказал:

– Привет!

Фриборн, неожиданно вырванный из ступора, резко подскочил на кровати, смахнув с тумбочки пакет бумажных салфеток, два экземпляра «Журнала научного общества судмед-экспертов» и початую коробку шоколадных конфет. Крепко сжав ладонь Дэлглиша худой веснушчатой рукой с госпитальным опознавательным браслетом вокруг кисти, он воскликнул:

– Адам! Что это ты крадешься как тать в ночи, черт бы тебя побрал! Господи, до чего же я рад тебя видеть! Единственная добрая весть за все утро – то, что тебе поручили возглавить это дело. Я уж думал, ты уехал. Сколько времени ты можешь со мной побыть? Как ты туда доберешься?

Дэлглиш ответил на все вопросы по порядку:

– Десять минут. Вертолетом с аэродрома Баттерси. Завернул по пути. Как ты, Чарлз? Я тебе нехстати?

– Это я всем нехстати. Более неудачного времени я и выбрать не мог. А главное, от чего с ума можно сойти – ведь сам во всем виноват! С операцией этой вполне можно было и обождать. Правда, надоело – болит и болит, и Мэг настаивала, чтоб я прооперировался до выхода на пенсию. Видно, считала, что лучше потратить на это государственное время, чем мое собственное.

Подумав о тяготах и успехах, выпавших на долю Фриборна за сорок с лишним лет службы на пользу судебной медицины, о трудных годах войны, об отсроченной пенсии, о последних пяти годах, когда Чарлз оставил директорский пост и занялся бюрократической тягомотиной, Дэлглиш сказал:

– Очень разумно с ее стороны. Кроме того, тебе вовсе нечего делать в Чевишеме.

– Да знаю я. Смешно чувствовать, что ты за это отвечаешь, только потому, что беда случилась как раз, когда тебя на месте нет. Из дежурки позвонили чуть позже девяти – сообщить мне об этом. Решили, видно, что лучше я от них узнаю, чем от посетителей или из вечер-

¹² Коммандер – здесь: комиссар полиции; также – воинское звание в категории старших офицеров ВМС Великобритании, соответствует званию подполковника в сухопутных войсках.

них газет. Молодцы. Главный констебль, по всей видимости, вызвал ребят из Скотленд-Ярда сразу, как получил сообщение. А тебе самому что известно?

– Думается, примерно то же, что и тебе. Я говорил с главным констеблем и с Хоуартом. Узнал от них основные факты. Череп пробит, очевидно, тяжелым молотком, который Лорример как раз исследовал. Лаборатория была должным образом заперта, когда помощник сотрудника по связям с полицией и молоденькая девушка – секретарь-регистратор – прибыли туда в восемь тридцать утра. Ключи Лорримера – у него в кармане. Он часто задерживался на работе допоздна, и большинство сотрудников знали, что он в тот вечер собирался остаться подольше. Никаких признаков взлома. Четыре комплекта ключей. Один – у Лорримера, поскольку он главный научный сотрудник и заместитель начальника службы безопасности. Второй комплект – у помощника сотрудника по связям с полицией. Только Лорример или один из сотрудников по связям с полицией имел право запирасть и отпирасть здание. Третий комплект ключей хранится у директора в сейфе, а четвертый – в сейфе полицейского участка в Гайз-Марше – на случай, если ночью сработает сигнализация.

– Значит, либо Лорример впустил убийцу, либо убийца имел свой ключ, – сказал Фриборн.

Были и другие возможности, подумал Дэлглиш, только сейчас не время их обсуждать.

– Лорример, полагаю, впустил бы любого из сотрудников Лаборатории? – спросил он.

– Почему же нет? Он и полицейского бы впустил, из тех, кого знал лично, тем более детектива, занятого в последнем расследовании. Насчет других – не знаю. Мог впустить приятеля или родственника, хотя это совсем уж сомнительно. Он был педантичен до предела, бедняга, не представляю себе, чтобы он считал Лабораторию подходящим местом для randevu. И разумеется, он наверняка впустил бы судебного патанатома.

– Мне сказали, у них там свой, местный патанатом есть – Генри Керрисон. Главный констебль сказал, его вызывали осмотреть тело. Вряд ли они могли еще что-то сделать. А я и не знал, что вы нашли кандидата на место министерского патанатома. Что есть кем Дональда из мертвецкой заменить!

– Да мы не нашли пока. Керрисон этим занимается на условиях сдельной оплаты. О нем хорошо отзываются, и мы скорее всего именно его и назначим, если удастся уговорить Областное управление здравоохранения. Обычные сложности – он ведь работает в больнице, у него там тоже обязанности имеются. Чертовски хочется разобраться с судебной патанатомической службой до того, как я уйду. Но боюсь, эту головную боль придется оставить моему преемнику.

Дэлглиш вспоминал Дональда из мертвецкой без всякой приязни, особенно его омерзительные студенческие шуточки: «Нет-нет, только не этот нож для разрезания торта, моя милая, я им уже пользовался сегодня, вскрывая одну из жертв Гарри Секача, и нож малость затупился!» Дэлглиш терпеть не мог его вечное стремление самоутвердиться, его громогласный смех и с благодарностью думал о том, что ему хотя бы не придется допрашивать этого невозможного старого притворщика.

– Расскажи мне о Лорримере, – попросил он. – Какой он был?

Вопрос этот всегда лежит в самом сердце расследования дел об убийстве, и тем не менее Адам сознавал всю его абсурдность еще до того, как произнес эти слова. Самая странная часть работы полицейского детектива – это такое воссоздание взаимоотношений с мертвецом, которого и увидел-то впервые лишь как лежащее в странной позе мертвое тело на месте преступления или обнаженный труп на секционном столе в морге. Погибший – главный элемент в разгадке его смерти. Он погиб из-за того, каким был. До окончания дела Дэлглишу предстоит получить десятки описаний личности Лорримера, словно фотографические отпечатки впечатлений, сохранившихся в памяти других людей. Из этих аморфных, неопределенных картин он постарается воспроизвести свое собственное представление, перекры-

вающее все остальные, господствующее над ними, но столь же несовершенное, столь же искаженное, как и все они, однако теперь уже – влиянием его собственных предубеждений, его собственной личности. Но тем не менее вопрос этот следовало задать. И тут по крайней мере он мог не опасаться, что Фриборн пустится в философские рассуждения о личностном базисе всякого «я». Впрочем, мысли их в этот момент, видимо, шли параллельно друг другу, потому что Фриборн сказал:

– Странно, что всегда приходится задавать этот вопрос, что должен смотреть на человека глазами других людей. Возраст – около сорока. Похож на Иоанна Крестителя, только без бороды, и столь же бескомпромиссен. Не женат. Живет со стариком отцом в коттедже на краю деревни. Он является... являлся... судебным биологом высочайшей компетенции, но сомнительно, чтобы он мог получить более высокий пост. Одержимый, раздражительный, общаться с ним тяжело. Он претендовал на директорский пост в Лаборатории Хоггата, был конкурентом Хоурта.

– А как он да и все в Лаборатории приняли новое назначение?

– Мне представляется, Лорример воспринял это очень тяжело. Но в Лаборатории вряд ли хотели бы, чтобы это кресло занял он сам. Старший научный состав его недолгоблизает. Впрочем, всегда найдется пара-другая коллег, которые предпочли бы чужаку своего, даже если они этого своего терпеть не могут. Ну и Союз наш пошумел, как водится, что назначили не судмедспециалиста.

– А почему, собственно, назначили Хоурта? Я так понял, что ты тоже в Совете директоров и участвовал в заседании?

– А как же! На мне тоже лежит часть ответственности. Я вовсе не хочу сказать этим, что мы совершили ошибку. Старый док Мак был по-настоящему крупным судмедспециалистом. Мы ведь вместе начинали. Но нельзя и отрицать, что он малость отпустил вожжи в последние несколько лет. Хоурт уже поднял уровень оборачиваемости на десять процентов. К тому же предстоит ввод нового здания Лаборатории. Мы пошли на сознательный риск, назначив ученого не судебно-медицинского направления: нам прежде всего нужен был хороший менеджер. Во всяком случае, большинство в Совете считали именно так и смогли убедить остальных. Правда, не уточняя, что имеется в виду под этим замечательным словом «менеджмент». Новая наука. Все мы склоняем пред ней головы. В прежние времена мы просто брались за дело, улещали своих сотрудников, если это требовалось, давали под зад лодырям, ободряли робких и неуверенных и уговаривали полицейские службы использовать нас. Да еще время от времени посылали отчеты в МВД, просто чтоб они там не забыли, что мы существуем. Кажется, все шло вполне удачно. Наше ведомство не сгнуло, не погибло. Ты когда-нибудь размышлял над вопросом, в чем, собственно, разница между «руководством» и «менеджментом», а, Адам?

– Запомни этот вопрос и задай его следующему кандидату на заседании Совета. Пусть помучается. Хоурт ведь работал в Научно-исследовательском институте Браша, верно? Почему он ушел оттуда? Он ведь пошел на меньшую ставку?

– Он потерял не больше шестисот фунтов в год, а это вряд ли его так уж ущемляет. Его отец был очень богат, и все деньги достались Хоурту и его единокровной сестрице.

– Но институт – учреждение гораздо более крупное. И у Хоггата наукой не занимаются.

– Немного, но занимаются. Хотя в основном, разумеется, это ведомственная лаборатория. Это нас беспокоило, я имею в виду членов Совета. Но вряд ли кто-то станет уговаривать самого подходящего кандидата, что это место ему не подходит, поскольку ниже его возможностей. С научной и преподавательской точки зрения – он ведь чистый физик – он шел значительно впереди своих коллег. По правде говоря, мы пытались его поспрошать, даже малость надавили. Но он привел обычные доводы. Он застоялся; нужно новое поле деятельности; хочет уехать из Лондона. Правда, ходят сплетни, что его недавно бросила жена и он

хочет начать новую жизнь. Может, это и есть настоящая причина. Благодарение Господу, он ни разу не произнес это проклятое выражение «проба сил». Если я услышу от кандидата еще хоть раз, что он рассматривает новую должность как пробу сил, я им весь стол заседаний забью... Адам, я старею. – Он кивком указал на окно палаты. – У них там сейчас обстановка – не приведи Господь.

– Я знаю. Имел там чрезвычайно краткую, но тактичную беседу. Блестяще умеют дать понять гораздо больше, чем вслух сказано. Но и так ясно, что это дело надо решить быстро. Помимо того, что речь идет о доверии к самому ведомству, необходимо, чтобы Лаборатория снова заработала.

– А сейчас там что происходит? С сотрудниками?

– Местный Угро опечатал все внутренние двери, сотрудников держат в библиотеке и в Регистрационном отделе. Ждут моего приезда. Они заняты тем, что пишут объяснительные – где и что каждый из них делал с того момента, как Лорримера видели в живых в последний раз. Местная полиция предпринимает предварительную проверку всех алиби. Это должно сэкономить нам время. Я беру с собой одного из офицеров – Джона Мэссингема. Вся судебно-медицинскую экспертизу возьмет на себя лаборатория Столичной полиции. Столпол же командирует туда кого-то из Отдела по связям с общественностью, так что эта обязанность у меня с плеч долой. Замечательно, что знаменитая поп-группа развалилась с таким шумом. Этот скандал и неприятности в правительстве займут первые страницы газет, так что пару дней мы удержимся где-нибудь на задворках.

Фриборн взирал на свои огромные ступни с легким отвращением, словно эти его заблудшие члены натворили что-то такое, что лишь теперь стало ему очевидно. Время от времени он шевелил пальцами – выполняя ли медицинское предписание, или просто для собственного удовольствия – трудно сказать. Помолчав с минуту, он сказал:

– Видишь ли, я ведь начинал в Лаборатории Хоггата. Еще до войны. Тогда все, что у нас было – реактивы да пробирки, растворы да мензурки. И девушек на работу не брали – неприятно было им заниматься делами, связанными с преступлениями на сексуальной почве. Лаборатория Хоггата была старомодной даже для тридцатых годов. Не с научной точки зрения, впрочем. У нас появился спектрограф, когда он еще воспринимался как новая чудесная игрушка, не более того. Болота порой рождали странные преступления. Помнишь дело Маллигана – старика, который изрубил на куски своего брата и привязал останки к воротам шлюза в Лимингсе? Хорошую судебно-медицинскую экспертизу мы тогда провели, да и улики хватало.

– Чуть ли не полсотни кровавых пятен на стене свинарника, так, кажется? А Маллиган клялся и божился, что эта кровь свиная.

В голосе Фриборна зазвучали ностальгические нотки:

– А мне этот старый разбойник был даже чем-то симпатичен. А снимки тех пятен – я сам их фотографировал – до сих пор вытаскивают, как только лекции о кровавых пятнах надо проиллюстрировать. Странно, Лаборатория Хоггата всегда к себе как-то привлекала, да и привлекает до сих пор. Совершенно неподходящее здание – прямо храм Афины Паллады – посреди ничем не привлекательной деревушки в Восточной Англии, на краю черных болот. Пятнадцать километров до Или, да и Или не очень-то похож на место, где молодежь может хорошо повеселиться или чем-то интересным заняться. Зимы такие, что промораживают до мозга костей, а весенний ветер – там его называют «болотняк» – поднимает торфяную пыль и забивает легкие похуже смога. И при всем при том сотрудники – если не сбегают в первый же месяц – остаются там навсегда. А ты знал, что там, на их территории, есть часовенка Рена?¹³ С точки зрения архитектуры она гораздо ценнее самого поместья, ведь Хоггат ее никогда и пальцем не тронул. Эстетическим вкусом полковник похвастаться вряд ли мог,

¹³ Рен, Кристофер (1632–1723) – английский архитектор и ученый.

как мне кажется. Он как-то пытался использовать часовню под склад химикалий, после того как она была секуляризована, или что там делают с церквями, которые не используются по назначению? А Хоуарт собрал струнный квартет из сотрудников Лаборатории и устроил в часовне концерт. Он вроде довольно известный скрипач-любитель. В настоящий момент он скорее всего жалеет, что не занялся музыкой всерьез. Не очень-то успешное начало для бедолаги. А ведь там всегда так хорошо работалось. Я думаю, то, что Лаборатория была совершенно изолирована от остального мира, и давало нам это ощущение товарищеской близости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.